

Николай Дронт

БРАТ

Николай Дронт
Брат
Серия «Попаданец (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63634103

Брат:

ISBN 978-5-17-48556-5

Аннотация

Казалось бы, сюжет предсказуем – «попаданец» в собственное прошлое начинает искать клады и понемногу перестраивать мир по своему усмотрению. Знание будущего дарит неисчерпаемые возможности. Трагедия СССР не дает ему покоя. Но Сергей уверен, что сможет изменить судьбу страны – и в его успех хочется верить.

Содержание

Шизофрения	5
Полина	37
Клавка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Николай Дронт

Брат

© Николай Дронт, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Шизофрения

Брат

Когда всё началось, точно не помню, даже год. Но ещё перед школой, зимой. Мы тогда жили в бревенчатом двухэтажном доме, в коммунальной квартире. Почти центр Москвы, 2-й Спасский тупик. Раз тупик, то туда не заезжали автомобили. А коли не заезжали, то от высокого каменного забора почти до середины тупика насыпали и раскатали снежную горку. Окрестные детишки катались с неё, кто на чём мог. Я, понятно, тоже. До сих пор помню – лежу на санках, физиономией вперёд, как положено космонавту в ракете. Ребята во дворе почему-то считали, что Гагарин именно так летает в космос. Друзья меня, изо всех своих невеликих сил, толкают вниз. Лечу, аж дух захватывает. И тут к нам под кирпич заворачивает грузовик...

Да... Были бы современные санки с задним поручнем для спины, может, и не было бы рассказа. А так, сам не знаю как, сполз с санок, они уехали вперёд, я лечу за ними, пытаюсь тормозить. В общем, санки раньше, я чуть позже, аккуратно промеж колёс вписались. Но водитель тоже тормозил. Детей давить, видать, не собирался.

Помню, вылезаю из-под колёс, реву, хоть вроде уже большим считаюсь. Шапки нет, голова в крови, о какую-то железяку днища разбил. Но реву не из-за боли. Раздавленные

санки под задним колесом лежат. Жалко мне их, спасу нет.

Что случилось потом, не помню. По рассказам, девчонка, что передо мной ехала, проскочила, а парень, который после, успел отвернуть, один я под машиной оказался. Если бы с санок не сполз, не понятно, чем бы дело кончилось, а так только в больницу, с сотрясением мозга, попал. И шофёра родители чуть не убили.

Ну, случилось и случилось, со временем наезд не то что забылся, просто вспоминать повода не было. И не вспоминали до второй четверти моего четвёртого класса, вот тогда с моим братом Славиком случилось несчастье.

Соседка по коммуналке, старушка, бывшая дворянка, сочла своим долгом мне, тогда ещё дошкольнику, всю правду про мою мать рассказать. Самое главное рассказала – про то, что у брата Славы другой отец, а моя родительница уголовница, которой место в тюрьме.

После войны мама, семнадцатилетняя девчонка, работала на хлебозаводе в Сокольниках. Не знаю подробно, как и что, но обнаружили хищения, надо было кому-то сесть. Уговорили её, как самую молодую, взять на себя вину. Объяснили – несовершеннолетняя, много не дадут. А уж ей и передачи будут, и плащ-пыльник подарят. Пару крепдешиновых платьев обещали... Такой ещё момент – в 1947 году отпускали из-под стражи беременных и только родивших. Амнистия или не знаю что, но если по мелочи села, да брюхатая, то отпускали. А уж с этим-то делом нашёлся сердечный дружок,

который вызвался помочь. Сынок начальника цеха, который её уговаривал взять всё на себя.

Не обманули, кстати. И передачи были, и одежда. Даже из-под стражи через два месяца после суда освободили. Вот так родился мой старший брат Слава.

Хотя мать ребёнка родила, за его отца на себя вину взяла, тот на ней не женился. Дед Славки помогал деньгами и продуктами, вполне прилично помогал. А отец семью создавать не захотел. Зачем? Баб после войны избыток, надо всем внимание оказать. Да и спился скоро.

Только к середине пятидесятых мама вышла замуж. Решила, лет уже прилично сколько, потешилась и хватит, пора остепениться. Женщина она была видная, весёлая, красивая. Погулять любила, однако меру знала. Поклонники были, но сплетни ходили умеренно. Где-то познакомилась с молодым, интересным мужчиной. Да, он рабочий на заводе, зато любит её и берёт замуж с сыном. Заодно им целых две комнаты от работы дают. Пусть в коммуналке, так ведь не в бараке. Почти все живут в коммунальных квартирах. Водопровод есть, горячая вода из колонки. Только живи и радуйся. Словом, поженились, а вскоре родился я.

Отец меня любил, мать... тоже любила, конечно, но брата любила больше. Кстати, было за что. Красавец, модник. Из дому не выйдет, не начистив ботинки. Мама подшивала брюки, чтобы штанины по-особому падали на задник обуви. Музыкант. Ксилофон, ударные и гитара. Все девчонки

его были. Меня к ним с записочками посылал. А я гордился. Хотя не понимал, в чём интерес с девчонками целоваться, да ещё их конфетами кормить.

Денег брату вечно не хватало, даже из моей копилки вытаскивал. Была такая глиняная кошечка, с прорезью на затылке. Так Славка умудрялся оттуда новые монеты вытрясти, а старые, дореформенные гривенники, для звону кинуть. Я не обижался, он и меня конфетами угощал.

Потом его забрали на Северный флот. Три года надо было отслужить. Помню, как он из Североморска в отпуск приехал. Флотская форма, бескозырка с развевающимися лентами, большой синий воротник с тремя белыми полосками. Я братом гордился. Мама тоже на сына налюбоваться не могла. Когда он попросил добавить десять рублей на самолёт, чтобы дома подольше побыть, дала, хотя у нас самих было с деньгами не очень. Заняла у подружек. Моего отца она к тому времени выгнала. До сих пор не знаю, что у них не сложилось.

Больше брата не видел. Мать была на похоронах, а я нет. Какой-то корабельный трос лопнул, и по Славику попало оборвавшимся концом стального каната. Его не только поломало, ещё и с палубы выкинуло. А море на Севере холодное. Вытащили быстро, однако в госпитале он умер. Не то канат ему внутренности отбил, не то воспаление лёгких доконало. Хотя по большому счёту какая разница? Умер человек, похоронили. А мелкие подробности... Лично мне они не особо

интересны. Мать с похорон приехала вся чёрная. Меня обнимает, плачет, говорит: «В армию тебя ни за что не пущу!»

Военкомат

В то время на месте всего 2-го Спасского тупика уже построили одно высотное здание с кинотеатром. Старый бревенчатый дом разобрали, и наша семья получила двухкомнатную квартиру в девятиэтажке. Малогабаритную, правда, но тогда всякая отдельная квартира ценилась. Пусть санузел смежный и ванна сидячая, зато балкон есть. И лифт. Пол из досок, крашенных суриком. Кухня больше восьми метров. Хорошая квартира, однако сразу после заселения у матери с батей разлад и пошёл.

Ближайшим соседом у нас был врач, психиатр из диспансера. Мама после похорон брата про тот случай, когда я под машиной санки потерял, вспомнила и отвела меня ко Льву Ароновичу. Тот с мамой поговорил, старую выписку из больницы прочитал, рентгеновский снимок посмотрел, потом со мной пообщался, затем опять с мамой. По результату доктор объяснил, что я хоть не сильно, но болен. Это не страшно, здоровых людей вообще нет, есть только недообследованные. Рассказал, что после попадания под автомобиль я машин боюсь, считаю их немного живыми. Что... Много чего мне про меня рассказал... В четвёртом классе тогда учился, верил взрослым и говорил, что мне было велено, другим врачам, когда пару раз меня в санаторий отправляли.

Я, в принципе, ни о чём таком не думал, пока в начале 1972 года, в семнадцать лет, не попал на медкомиссию по приписке. В школе мальчишки знали – в армию положено идти, если не был, значит, ущербный. Или умный, в институт попал, тогда оно понятно. В семнадцать лет я вымахал здоровым жлобом. Приятели ласково кликали Кабаном, Шкафом или Шифоньером. Год я отходил в секцию бокса, три года занимался самбо, за школу бегал на лыжах и кросс. Самый сладкий клиент военкомата. Бери такого, тут даже думать нечего. Ан нет! Они посмотрели карточку из поликлиники и отправили по врачам.

Стайка парней босиком, в одних трусах, ходила по кабинетам. И ведь не мёрзли. Нам мерили рост, взвешивали, заставляли дышать в шланг, чтобы измерить объём лёгких. У окулиста мы читали буквы в таблице для проверки остроты зрения, в альбоме разглядывали пятнышки, складывающиеся в цифры. Кто их не видел, того объявляли дальтоником. Правда, в армию таких всё равно брали.

Когда ждали очереди перед кабинетом психиатра, выясняли у только вышедших, о чём там спрашивают. Один рассказал:

– Меня спросили: «Что общего между птицей и человеком?» А я им отвечаю: «Оба какают!» Гы-гы!

Другой кивнул и авторитетно поставил диагноз:

– Стройбат. Где-нибудь за Уралом.

– С чего бы вдруг?! – возмутился рассказчик.

– Знаешь, почему в армии не играют в КВН? Весёлые по одну сторону Урала, находчивые по другую. А раз ты ещё и приколист, то будешь в стройбате лёд колоть.

Когда меня вызвали, доктор выяснять ничего не выяснял и ни о чём не спрашивал, сразу сказал, что придётся десять календарных дней отлежать в больнице. Там решат – гожусь в армию или нет. Я попытался было заикнуться, дескать, полностью здоров, но врач понимающе кивнул:

– Вот там это и подтвердят.

Прочие врачи ничего такого не нашли. В конце концов нас отпустили, только некоторым велели прийти повторно. Меня же сразу обрадовали, сказали, офицерское училище мне точно не светит, хоть я туда и не просился. Вот если хочу получить направление от военкомата на автокурсы в ДОСА-АФ, то зря. Зато на курсы радиотелеграфистов меня тоже не пошлют. С таким диагнозом в армии вообще делать нечего. Хотя, конечно, в больнице полежать придётся, но даже если вдруг случайно скажут «годен», ни в одно нормальное место таких не посылают.

Подсуропила мне мама. Главное, вернуть ничего нельзя – я же с четвёртого класса с головой наблюдаюсь, значит, полюбому придётся проверяться в психушке.

Из диспансера ещё вызвали на консультацию. Лечащий врач у меня не изменился, хотя я опять был прописан в коммуналке. Другой, понятно. У бабушки стало плохо со здоровьем, вот она и прописала меня к себе, чтобы площадь не

пропала. Дело было сложное, пришлось походить по кабинетам районных инстанций, однако увенчалось успехом. Когда бабушка умерла, я остался прописанным в её комнате. Жить там не жил, но приезжал часто.

Так вот, Лев Аронович, психиатр, ведущий меня с четвёртого класса, когда я пришёл на приём, объяснил, что миновать больницу нельзя, без неё мне просто не выдадут приписное свидетельство. Однако при правильном поведении лежать придётся всего один раз, затем получу освобождение и дальше уже буду жить спокойно. Деваться некуда, пришлось соглашаться на обследование.

В начале марта позвонили, велели в понедельник утром явиться с документами. Причём надо рассчитывать ровно на десять дней, раньше не отпустят, но и позже не задержат. Больница, понятно, была психушкой, самой старой из московских. «Матросская тишина». Забор к забору с тюрьмой. Возмущаться и отказываться ложиться бесполезно. Дело не в том, что в армию заберут или нет, в любом случае приедет скорая, и всё едино тебя туда отвезут.

Раз делать нечего, то и делать ничего не надо. Хорошо, что не в каникулы забирают, можно от школы отдохнуть. С оценками у меня нормально, твёрдый хорошист. Наверное, мог бы быть отличником, но уроки делать ленюсь. По математике и физике давно перерешал все задачи до конца десятого класса. Задачник Зубова – Шальнова отработал полностью. Перельмана читаю запоем, а вот с остальными предметами

немного хуже, приходится заставляя себя делать домашку.

Причём на секцию хожу с удовольствием, а за уроки сесть сил нет. Ефремова глотаю запоем, а про Иудушку Головлева и Раскольникова с Базаровым читать не могу. В музыкальную школу мама чуть не пинками загоняла, а в школе на праздниках играю с удовольствием. Ксилофон, который от Славки остался, мне сразу не понравился. До девятого класса с ним мучился!

Шиза

Вместе со мной на обследование явилось трое таких же допризывников. Нас переодели в больничные пижамы и распределили по палатам. Отделение диагностическое, «острых» пациентов здесь не держат. Если у кого появляются странности, тех сразу отправляют в другой корпус.

В палате шестеро. Из допризывников я один. Спрашивать про причины нахождения здесь не принято, а у некоторых даже опасно – обидятся.

Моё достояние на ближайшие десять дней – заслуженная железная койка с полосатым ватным матрасом и тумбочка на двоих. Одеяло, подушка. Постельное бельё. Изрядно застиранное, с большими чёрными блямбами больничных печатей, но чистое. Вафельное и простое полотенца.

Мужики в палате просветили про распорядок дня. Рассказали, что кормят не очень, с куревом совсем беда. В магазин не отпускают. Однако если подлизаться к медперсоналу, то

могут звать на помощь в отделение этажом ниже. А там санитарки в благодарность и курева купят, за твои, понятно, и дополнительный хавчик организуют. В том отделении бабульки с маразмом лежат, едят мало. У них и хлеба, и супа, и гарнира изрядно остаётся, можно подхарчиться.

Только застелил постель, позвали к врачу. Всех поступивших сегодня собрали. У одного было сотрясение мозга, случайно с лестницы упал. Вылечили, но зачем-то на учёт поставили. Другой подмигнул и зашептал, что от армии откосить хочет, институтские учебники по психиатрии читал, будет притворяться параноиком. Третий просто эпилептик. Я про себя сказал, что полностью здоров. Стукнутый зашёл в кабинет, мы сидим, болтаем. Тот, который симулянт, начал объяснять, что ему в армии делать нечего, и уж если он сюда пробился, то будет пользоваться случаем, выбивать себе нужный диагноз. Вторым вызвали меня, задали пару вопросов и отправили в палату.

В обед кормили так себе. Жидкие щи с малюсеньким кусочком мяса. Разваливающаяся котлета, тушённая в томатном соусе, с блёкло-синеватым, водянистым пюре. Видать, вместо молока мятую картошку разбавляли той же водой, в которой её варили. стакан компота из сухофруктов. Хлеб серый, который продаётся в больших буханках по четырнадцать копеек. Самый дешёвый и невкусный. Однако больные его съели весь до кусочка.

После обеда нас, свежеприбывших, вызвали в процедур-

ную, выдали каждому порошок и заставили выпить. Не выпить нельзя, смотрят. Я принял, эпилептик принял, стукнутый тоже принял. Запили водой и пошли по палатам. Мы не первый раз в таких заведениях, понимаем, что надо слушаться. А симулянт начал права качать. Дескать, зачем лекарствами пичкают, если ему ещё диагноз не поставили. Тупой он. Возмущаться и отказываться глупо и бесполезно. А спорить и тем более ругаться с медперсоналом просто опасно.

Я давно понял, ещё по санаториям, что проще и быстрее соглашаться. Бывали случаи. Сегодня мальчик хамит медсестре, а завтра после «уколычика» сидит такой спокойный-спокойный, только слюни изо рта текут. А если с медиками не ругаться, то они ничего такого и не прописывают. Или если даже пропишут, а ты зарекомендовал себя исполнительным больным, не особо смотрят, проглотил ты «таблеточку» или нет. Но первые разы контролируют обязательно.

Меня с порошка спать потянуло. Лёг, здесь это дело обычное. После лекарств многие кемарить укладываются. Только было задремал, тут ко мне шиза и пришла. Ну, это я так подумал, когда голос в голове спросил:

– Серый, это ты?

– Я, – соглашаюсь.

Меня приятели Серым зовут. Сергей, Серёжа, Серёга, Серый – это всё я. Но раз голос в башке появился, значит, не

зря меня сюда отправили. Похоже, я действительно того... псих. А тот в голове продолжает:

– Сейчас какая дата?

– 6 марта 1972 года.

– Ты где находишься?

– Нахожусь где и должен – в психушке.

Честно говоря, я сильно расстроился. Всё же понять, что ты действительно с ума спрыгнул, очень неприятно. Но голос меня успокаивать стал:

– Не бойся, ты с ума не сошёл. Я – это ты, но в будущем. Через четверть века. Год 1997-й.

– Как там у вас? Коммунизм ещё не построили?

– Погано у нас. Какой коммунизм?! Партийцы развалили Союз в 1991 году. Генсек, Политбюро и ЦК – все они и развалили. В 1993-м Верховный Совет танками расстреляли. Я его защищать пытался, еле сбежать смог, а потом понял – нас опять предали. Народ ограбили, предприятия под себя забрали. Бандиты среди бела дня по людям стреляют. Всё продаётся и покупается. Фабрики и заводы в руинах. Товары в магазинах есть любые, только денег у народа нет. Зарплаты месяцами не платят. Сейчас приспособился – устроился следить за компьютерами в банк. До того я, кандидат физмат наук, женскими труселями и лифчиками на рынке торговал. А ещё раньше вообще без работы сидел. Из института же сократили. Там хоть копейки, хоть с задержками, но платили. Потом долго никуда пристроиться не мог. Бывало, неделями

хлебом с майонезом питался. Ты сейчас под таблетками?

– Заставили выпить порошок.

– Понятно. Потому и смог с тобой связаться.

Хорошо поговорили. Много чего про свою жизнь голос рассказал. Пять с половиной лет отучился в универе. Потом ещё два года аспирантура и переход в академический институт. Год ушёл на защиту диссера. И всё время до получения должности младшего научного сотрудника он жил на стипендию и копейки за полставки, пусть потом ставку, лаборанта на кафедре. Главное, после этого стал узким, никому, кроме своего научного руководителя, не нужным специалистом. Потому и после защиты получал немного. И перейти некуда. Для работы в другом месте нужно менять тему, а значит, переучиваться. Сидел в одной лаборатории, пока не началась перестройка... это когда Союз разваливать начали... Институтские помещения стали сдавать в аренду под магазины и конторы, а большинство сотрудников выперли с работы. Тут ему пришлось хлебнуть лиха. Некоторые смогли уехать за границу, а он там никому не был нужен. Тема диссертации ни разу не военная, чисто академическая, за бугром совсем не интересная. И подобных желающих уехать было, считай, половина страны.

После защиты женился, ребёнка завёл. В самом начале перестройки, пока ещё были надежды на новую, лучшую жизнь, а в институте ещё платили, она ушла к другому. Плохо ушла, со скандалом. Заявила: «Ты вечный неудачник,

а Саша – кооператор, хозяин жизни». Причём заявила, что ребёнок не от него. Даже заставила подписать отказ от родительских прав. Хотела и квартиру разменять, но новый муж заявил: «Не трогай убогого. Его помойка копейки стоит. Мы особняк построим». Не спился мужик тогда чудом. Через года два или три, когда у кооператора бандиты отжали фирму, а сам он куда-то пропал, бывшая попыталась вернуться. Говорит: «Прости, я со зла наговорила. И ребёнок твой. Сын тебя любит». А мальчик уже дядей Серёжей, а не папой зовёт. Переучили ребёнка. Не поверил человек бывшей жене, так и остался бобылём.

Как-то приуныл я от такой перспективы. Вдруг шиза и предлагает – дескать, я знаю будущее, давай объединим наши сознания, тогда смогу подсказывать, что делать, направлять. Может, хоть нормально устроимся в жизни. Например, есть тема клады поискать. В 1997-м их уже нашли, а в 1972-м ещё нет. Он специально информацию собирал, даже в клуб искателей городских кладов вступил.

Не соглашаться с самим собой глупо. К тому же, если действительно он это я, то заранее знать, где упадёшь, полезно, хоть соломки можно будет подстелить. А если он всё-таки шиза, то, как от лекарства отойду, сам пропадёт. В общем, согласился. Тут искры в глазах навроде водоворота закружились, а потом сознание погасло.

– Больной! – кто-то трясёт меня за плечо. – Больной, просыпайтесь! Ужин скоро!

Открываю глаза. Тётка в белом халате. Скорее санитарка, чем медсестра.

– Сейчас встану, – говорю.

Сам чувствую – в юность переместился. Где я старый, где я молодой – не понятно. Однако вроде всё помню. И недавние знания, и знания прошлой жизни остались. Надо бы кое-что записать, а то вдруг забуду. Я же не просто так в молодость вернулся. Есть план, как заново жизнь прожить и не повторить старых ошибок.

Первое, если не возьмут в армию, не надо поступать в вуз на дневное отделение. Жить, экономя каждую копейку, весьма погано для собственного самолюбия. Опять же мать всю плешь проест. Она материально не помогала, особо не с чего было, опять же у неё принцип – мужчина должен сам себя обеспечивать. Лучше пойти на вечерний, например, по той же «Прикладной математике», и начинать работать. Наверное, программистом. Они сейчас крайне востребованы, а с моими знаниями о численных методах, я смогу быстро подняться. И рабочий график удобный – днём машинного времени не хватает, выходишь ночью, а весь день гуляешь. Можно требовать соавторства в научных статьях. Не захотят, пусть ищут более покладистого дурачка.

Во-вторых, надо обязательно выучить английский. Перевожу тексты я вполне нормально, а вот разговорный надо

поднять на приличный уровень. Тогда задел на будущее будет, никакая перестройка не страшна. На школьный и институтский курс надежды нет, там учат кое-как. Придётся заниматься с учителем. Для начала, поговорю с Илонкой, она в Мориса Тореза собирается. Конечно, можно найти учителя и посерьёзнее, но надо платить. Вопрос – где взять деньги?

Тут плавно переходим к третьему пункту, к кладам. Надо изъять те, которые доступны. Далее проверить три тайника, которые предположительно никто точно не вскроет до 1997 года. Я специально такие искал, много времени потратил, но вроде нашёл. Кое-какие вещи из кладов надо будет туда заложить. В первую очередь, доллары и оружие. Доллары – потому, что их принимают вне зависимости от года выпуска. Оружие, понятно, чтобы доллары сохранить. Золото, камни и прочие ценности тоже можно, но их ещё продавать придётся. Одним выстрелом убью сразу двух зайцев – себя будущего подкормлю и смогу выяснить, в одинаковой ли мы временной линии живём или в разных, слабо зависимых параллельных мирах. Торопиться делать закладки не буду, есть ещё время. До той минуты, как я перешёл, будущий ничего взять не сможет, только после.

На столь важном вопросе пришлось прекратить мудрствования. Товарищи по палате повели на ужин. Кормили так себе. Очень густая пшённая каша, политая растительным маслом, с четвертинкой солёного огурца и кусочком костистой

варёной рыбы. стакан слабенького, сладкого чая. Хлеб, понятно, тот же, четырнадцать копеек за огромную буханку. В отделении мужики лежат, а порции невелики, вот хлебом объём и добирают.

Вечером лекарствами меня больше не пичкали. Лёша, который стукнутый, предложил нам, четверым допризывникам, пойти покурить и познакомиться. Я пока некурящий, может, и не буду начинать. Опять же, одно дело «Герцеговину Флор», любимые папиросы Сталина, курить, другое дело «Беломор» или даже «Волну» с перекатом. Но составить компанию и просто посидеть согласился. У Лёши были припасены сигареты «Астра». Страшная гадость, кстати. Зато захватил он с собой целый блок. В курилке было налетели желающие «стрельнуть» сигаретку, но были сразу посланы резким пэтэушным мальчиком далеко и надолго. На него посмотрели с уважением и больше не просили.

Между прочим, парень рассказал, что с лестницы не падал. Сосед по двору в драке кастетом отоварил. Приходил потом в больницу, просил прощения. Его маме денег занёс, чуть не триста рублей. Очень сесть боялся. Лёша и сам ментам сдавать человека не собирался, а за такие бабки тем более. Ведь без отца рос, столько денег в семье никогда не видели. А голова... Что голова? Поболит и перестанет.

Сева, который симулянт, оказался из семьи интеллигентов. Кроме обычной школы, учится в изостудии. Рисует гипсы карандашом, акварелью натюрморты, а недавно начал ра-

ботать с маслом. Ему, как и Лёше, уже восемнадцать лет. В прошлом году поступал в Суриковский МГХИ, не прошёл, не понравились представленные работы. В этом году будет пробовать снова. Если не пройдёт, будет поступать в автодорожный, к отцу. Иначе придётся идти работать, участковый уже приходил, еле удалось отмазаться.

Саша-эпилептик пока школьник, учится плоховато. У него отец работает на дальное – гоняет грузы в Европу и обратно. Понятно, кое-что возит. Туда водку и икру, обратно джинсу́.

Я сказал про себя, что полностью здоров. Давным-давно, ещё до школы, попал под машину, а потом лежал с сотрясением мозга в больнице. Только потому сюда и направили.

Посплетничали о больных – мужики как мужики, даром что психи. Позлословили про больничную кормёжку – кормят хреновато, но десять дней по-любому выдержим. Стали прикидывать, что нас завтра ждёт, решили – ничего хорошего. Поболтали, затем пошли ложиться спать.

Один больничный день

Утром анализы, затем завтрак: манная каша на жидком молоке, серый хлеб с кусочком масла и сладкий чай. В другой больнице кормили получше. Может, из-за того, что тогда в детском отделении лежал? Соседи сказали, что в психушке действительно кормят так себе. В простой больнице лечатся работяги, а здесь – хронические больные. Денег на хроников

отпускают меньше. Однако, по сравнению с другими местами, у нас неплохо. В воскресенье на завтрак яйцо дают. Сегодня вторник? На ужин дадут пирог со сладким джемом. Опять же, пока валяешься здесь, пенсию платят, а ты её не тратишь, на что-нибудь экономишь.

После завтрака всех больных погнали на трудотерапию. Очень для них полезно в плане выздоровления коробочки клеить. Не шучу, именно так нам сказали. Принесли большую коробку острых ножниц с перемотанными пластырем ручками и кучу картонных квадратиков с выдавленными полосками для сгиба. Технология проста – надо вырезать маленькие квадратики по углам, образовавшимся пересечением выдавленных линий. Затем полоски сгибаются, обмазываются клеем и фиксируются узкой бумажкой, получается коробочка для лекарств. Крышку для неё тоже сделают в отделении, но не сегодня. Работа простая, однако кому-то её надо делать. Миша, взрослый мужик из моей палаты, первым схватил ножницы и начал резать сразу по несколько листов. Я тогда понял, зачем нужен пластырь – иначе, при такой толщине картона, тонкие кольца ручек больно давят на пальцы.

Зачем с таким пылом бросаться в работу, узнал не сразу. Я резал по одной картонке, и то с непривычки пальцы заболели. А некоторые, вроде Миши, старались не хуже стахановцев. Я вслух удивился такому трудолюбию, сосед тогда нас и просветил. За коробочки инвалидам платят деньги. Пусть немного, но платят. В прошлый месяц он заработал сколь-

ко-то, получилась прибавка к пенсии. Пенсия в тридцать с небольшим лет? Оказалось, что Михаил «хроник», инвалид 2-й группы. Живёт с матерью. Её пенсия по старости и его пенсия по инвалидности, её зарплата уборщицы и его сдельщина от «ёлочек» – вот им на жизнь и хватает. «Ёлочки» – это зелёные пластиковые ветки для искусственных новогодних ёлок. Работа простая. Всего-то надо нарезать куски проволоки определённого размера и втолкнуть их внутрь заготовок. Для крепости и чтобы потом было, за что крепить ветку к стволу. За день он может отработать несколько сотен веток, но больше положенной нормы ему не привозят. Есть и другие инвалиды-надомники, те тоже заработать хотят.

Видимо, мужику никак не хватает пенсии. Решил помочь и стал подкладывать картонки в Мишину стопку. Рядом сидящие Лёша и Саша последовали примеру. Денег нам всё едино не положено, чай не на пенсии, а так хоть человека поддержим. Всеволод просто сидел и ничего не делал из принципа. Резать, даже по одной штуке, как мы, – работа не для него. Когда закончились картонки, заготовки стали складывать по выдавленным полоскам, а вот клеить нам не доверили. Побоялись, что конечный продукт испачкаем. К отчётливой досаде желающих подработать, трудотерапия закончилась задолго до обеда. Ножницы унесли, а за больными записали количество сделанных изделий. Для расчёта, пояснил Миша. Нас троих включили к нему в бригаду и вывели общий итог. А Севе поставили ноль, что, впрочем, его не

расстроило.

Кстати, зря. Михаил, как старожил, много полежавший по больницам, просветил – отказывающиеся работать считаются не вписавшимися в коллектив личностями с асоциальными наклонностями. Что для первичного анамнеза весьма плохо. Проще говоря, диагноз будет тяжелее. Отказ от приёма лекарств проходит только у таких, как мы, новичков, но лишь один раз, и то в целях диагностики, с постановкой жирного минуса в истории болезни.

С пенсией по инвалидности понятно. Моя бабушка-покойница, которая мне жильё оставила, жила на минимальную пенсию по старости – сорок пять рублей. Старушке не так много надо, ей хватало. Она иногда ещё могла сунуть рублишко мне «на кино». Когда я приезжал к ней помогать по дому, к чаю обязательно была горстка конфет, причём среди прочих в вазочке лежали несколько шоколадных.

Помогать приходилось раз в пять недель. В коммуналке пять комнат, и жилец каждой комнаты дежурил по квартире неделю. Кроме бабушки там жили ещё три пенсионерки и молодая женщина с маленьким ребёнком. В своих комнатах жильцы наводили порядок сами. Дежурство заключалось в мытье пола в пятницу. Огромный коридор, застеленный когда-то дорогим дубовым паркетом, а затем почему-то покрашенный дешёвым суриком, – основной объект приложения сил. Туалет и ванная застелены плиткой, и их надо было просто подмахнуть мокрой тряпкой. На моей памяти в ван-

ной часто стирали и полоскали бельё, но никогда не мылись, предпочитая ходить в баню. Над раковиной, понятно, умывались и чистили зубы, но в саму ванну редко залезали. Унитаз был всегда идеально чист и благоухал хлоркой. У пенсионерки из первой комнаты был такой бзик – каждое утро она дезинфицировала унитаз.

Раньше в квартире было шесть комнат. Задолго до вселения моей бабушки, одна освободилась, и её превратили во вторую кухню, более просторную и светлую, чем первая. Туда поставили кухонные столы первых трёх комнат и газовую плиту. Старая кухня осталась во владении последних двух комнат. Дежурный кухни никогда не мыл.

Кстати, пока была жива тётя Поля, за рубль она могла вымыть полы вместо другого жильца.

До обеда нам троим выдали по кругленькой кисленькой витаминке «С». А Севе вкололи какую-то гадость, он сразу стал совсем спокойным и только с помощью санитара добрался до койки.

Затем нас по очереди вызывали в кабинет. Там с нами беседовали сразу три врача. У меня ничего такого не спрашивали, единственно поинтересовались – в какой род войск хочу идти? Сказал – в десант. В прошлой жизни меня никуда не взяли, думаю, и сейчас не возьмут.

После обеда вместо тихого часа желающих повели на прогулку. В раздевалке висят колючие безразмерные бушлаты, суконные ушанки и огромные боты. Их положено надевать,

когда гуляешь по улице. Бродили по принадлежащему нашему отделению огороженному сетчатым забором маленькому участку с несколькими лавочками и чахлыми деревьями, зато с видом, через высокий кирпичный забор с колючей проволокой, на зарешеченные тюремные окна.

На соседнем участке гуляли старушки в таких же бушлатах и укутанные в платки. На нас они внимания не обращали.

Несколько других участков стояли пустыми. Но один, через два от нашего, привлекал пристальное внимание прогуливающихся.

– Туда женское отделение часто ходит, – пояснили старожилы. – Нормальные, не психические, такие же, как мы. Они с нами перекрикиваются. Игорь, который наркоман, с одной на свиданку забился. Как из больницы выпустят, понятно.

Игорёк, польщённый вниманием, в самых красочных подробностях стал рассказывать, что, как и в каких позах он будет делать с женщиной при встрече.

– Ты же нарик! – ревниво выступил зачуханный мужичишка. – С марьиванны на марки перепрыгнул, потому сюда и попал. У тебя от кислоты уже не стоит.

– Это у меня-то не стоит?! – разъярился оскорблённый в лучших чувствах человек и схватил клеветника за грудки.

Смотрящая за нами нянечка нажала на кнопку. Раздался громкий «Дзынь!», и спорщики резво отпрыгнули друг от друга.

На обратном пути в отделение медработница суровым го-

лосом им посулила:

– В другой раз не стану выключать звонок. Прибегут санитары, и пусть врач вас переводит к буйным.

– Да мы что? Мы ничего! Чуток погорячились, потому и разговор громкий начали. Прощения просим.

– Смотрите мне!

Видать, угроза была не шуточная. Когда пришли в палату, Миша пояснил:

– Повезло дуракам. Матрёна – баба невредная и ленивая. Отписываться не захотела, потому спустила на тормозах. Здесь не то что драться, здесь громко говорить не стоит. Ты, Серёга, парень хороший, а здесь всякие лежат, могут специально завести, чтобы вспылит и надолго тут остался.

– Зачем им заводить меня?

– Вроде и незачем, однако не так обидно. Он, может, здесь месяцами парится, а ты чуть полежал и уходишь. Так что осторожнее будь. Не поддавайся на провокации.

До ужина половина палаты легла покемарить. Я взял тетрадку, шариковую ручку и карандаш, захваченные из дома вместе с учебником на случай, если вдруг захочется задачки порешать. Сейчас онигодились. Я про клады много знаю, читал специальные издания, запоминал места и приметы, изучал в жёлтой прессе статейки про старые уголовные дела, при расследовании которых изымали заныканные ценности.

Знаю, например, что три кладовые в разных городах Со-

юза ждут, когда их найдут. Я мог бы легко открыть, например, ленинградскую. Но скажите на милость, как вытащить несколько тонн серебра, куда спрятать и, главное, что с ними делать? Координаты десяти мест кораблекрушений и пиратских захоронков. Градусы, минуты, секунды. Широта и долгота. Долго зубрил пары групп по шесть цифр, но так запомнил. Но вот вы подскажите, как нырнуть на глубину в десятки метров? Причём в тропическом море? Ладно «нырнуть», как мне просто попасть на те моря?! Или наземные клады на пиратских островах, которые пролежали столетия. И тут прихожу я такой с лопатой, выкапываю и бегу в банк, спрашиваю: «Извините, вы тут золотишко принимаете?» Верите, что мне денег дадут? Так что ну их на фиг! Огромные клады трогать не стоит.

Исторические клады с древними монетами и украшениями ценятся дороже золота, но зачем мне мешать археологам? Да и неприлично становиться чёрным копателем. Я лучше что-нибудь попроще искать буду. Клады времён революции, заначки уголовников и цеховиков. Мне и их хватит с избытком.

Первый клад лежит в моей квартире, в коммуналке. Тётя Поля сразу после революции спрятала. Я обалдел, когда узнал. Она же всю жизнь ходила в прислугах! В 1994 году оставшихся жильцов переселили, квартиру под офис переделывали, тогда и нашли. Я оттуда давно уехал, но один знакомый в том же доме, на втором этаже, остался жить, он

и рассказал. Клад нашли на старой кухне. В тайнике вроде был ящик с оружием, патронами и ценностями. Из-за оружия про клад и узнали. Один работяга на радостях начал палить в потолок, менты и набежали. Как узнал, с чем столько лет рядом жил, сразу решил кладами заняться. В общем, первый схрон у меня прямо под рукой, причём тётю Полю ещё в феврале похоронили. В её комнату подселили разведённого алкаша с кондитерской фабрики. Если достану, будет хорошо, но клад не деньги, а лишь драгоценности. Их продать сложно. Начнёшь толкать, на тебя ОБХСС или КГБ выйдет, и всё... сушите сухари – пишите письма.

На Ордынке, в углу чердака, в шлак закопаны воровские инструменты. Они могут пригодиться. Сретенка, тоже чердак. Браунинг в кобуре. Писали, в рабочем состоянии. Пусть будет для случая. Что у тёти Паши в чемодане, не понятно, может ружьё. А после перестройки без пистолета с деньгами по улице лучше не ходить. Кстати, есть верная примета – если на чердаке старинного дома пол засыпан шлаком, то после войны здесь проводили капитальный ремонт. Довоенные, а тем более клады гражданской войны искать бесполезно, их уже нашли. До революции засыпку чердака делали из перемешанной щепы, земли и подобного мусора.

Одну захоронку из сносимого дома я должен взять в этом году. Её в августе найдут, жалко отдавать в чужие руки, ведь разворуют. Говорят, из самого Алмазного фонда в перестройку спёрли бидон бриллиантов. Наилучшей чистоты и

размером не меньше десяти карат. Ну и зачем мне отдавать государству найденное? Чтобы тоже спёрли?

Есть приличные клады наличными в советских рублях, а иногда и в валюте. Причём их можно постараться взять без особого криминала. Сокольники, стандартная блочная девятиэтажка. На балконе седьмого этажа, с внешней стороны, привязан портфель. При обыске хозяин перерезал верёвку, и портфель упал вниз, под ноги прохожему. Я не верю, но говорят, там было двести тысяч рублей. Десять тысяч долларов закопаны у платформы Плющево.

Знаю и другие адреса. Взять оттуда ценности было бы не сложно, но что с жильцами прикажете делать? При них стены-полы ломать не будешь. В госучреждениях немного проще, там по праздникам народу мало. Но ведь будет нужен пропуск на вход, пропуск на вынос. Охрана сидит и бдит, от нечего делать. Обойти их можно, но сложно.

Однако вопрос сбыта остаётся. Продавать до развала страны – рисковать попасть под расстрельную статью. Продавать после – привлечь внимание уголовников. Получается, буду просто собирать коллекцию драгоценностей, такое, понимаешь, редкое хобби.

Пока не позвали на ужин, записывал в тетрадку адреса и приметы кладов. В первую очередь географические координаты морских кладов, их проще всего забыть. Цифры замаскировал решением задачек. Адреса записал на последней странице, против каждого поставил имя. Может, мои прия-

тели там живут? Если кто мельком смотреть будет, особого внимания не обратит.

Записал не всё, но пришлось идти на ужин. Действительно, дали по куску пирога с повидлом. Завтра на завтрак, по традиции, будет бутерброд с полукопчёной колбасой. Каждый день больным хоть что-то вкусненькое, но дают.

Перед отбоем зашёл расстроенный Миша. Оказывается, на одного из соседней палаты «накатило». Сидит человек, качается влево-вправо, никого не слушает, ничего не слышит. Его в «острую» палату перевели. Больной тихий, лечить будут в нашем же отделении. Из-за похожих приступов и Михаила никуда на работу не берут. Боятся, вдруг с ним чего случится.

Выписка

Следующие дни проходили в том же стиле. Разница минимальная. Иногда брали анализы на голодный желудок. Каждый день хоть на пять минут, но вызывали к врачу. Один раз отвели в другое здание, опутали голову проводами с присосками и включили яркие мигающие лампы. Самописцы рисовали что-то вроде кардиограммы, а доктор потом долго рассматривал полученные ленты с графиками. Родственников не пускали, передач не передавали, объясняли «скоро выйдете». Но опытные люди пояснили: «Это чтобы другим не было завидно».

Кормили весьма средне. Встаёшь из-за стола вроде сытый,

но хочется хоть чего-нибудь такого... вкусенького, остренького или просто необычного. Сева как-то заявил:

– В тюрьме через стену и то зеков лучше кормят!

– А ты там был? – встрепнулся один из соседей по столу. – Был, да? Дай расклад – за что приняли? По какой статье? Номер хаты доложи. Скажи, с кем там чалился? Какая масть у тебя? Давай, говори, не стесняйся.

– Я просто... к слову...

– К слову? Слово как раз это совсем не просто. За слово про тюрьму надо уметь ответ держать. Ты молодой, глупый, бакланишь что ни попадя, даже не подумав. А в тюрьме холодно. И кормят много хуже, чем в больничке. Поверь на слово, и никогда не садись на нары. Ты в тюрьме не выживешь.

Саше в приём лекарств давали горсть таблеток. Нам с Лёшей обычно доставались только кругленькие кисленькие витаминки, такие жёлтые шарики. Всеволода, единственного среди нас, кололи какой-то гадостью, от которой он долго сидел и задумчиво смотрел в светлую даль ближайшей стены. Потом его отводили к врачу и подолгу беседовали о всяком разном. Всезнающий Миша считал это плохим признаком, но был отчасти доволен. Вообще, Сева не нравился многим больным. Считаешь себя здоровым – считай дальше, у многих такая мания имеется, но других-то людей зачем психами обзывать? Ты психов не видел, в наше отделение одних только нормальных кладут.

Время текло скучно. Но я прошлое-будущее вспоминал, прикидывал, как дальше жить буду. Вспоминал, как Союз распался. Как наших разведчиков наши же Америке сдали. Как бывшие союзные республики против России выступать стали. Про другие страны. ГДР объединится с ФРГ. С Китаем мы замиримся, но он тоже от социализма отойдёт. На словах вроде за коммунизм, но по делам у них капитализм строят. Стран, которые на старых позициях остались, раз, два, да обчёлся, и те держатся из последних сил. Северная Корея, но там диктатура хуже, чем при Сталине. И Куба, где Фидель командует. Он после развала СССР даже при отсутствии помощи извне умудрился восстановить экономику. Словом, я много чего полезного записал, и не только про клады.

На девятый день пребывания в больнице врачи собрали комиссию, и нас по очереди запускали в кабинет. Меня вызвали первым. На моё заявление «я совершенно здоров» снисходительно улыбнулись и просветили – все больные считают себя здоровыми, это один из типичнейших симптомов болезни. Решение – статья 7-б, не годен в мирное время, годен к нестроевой во время войны. Для многих самый желанный вердикт. В армию не берут, но особых ограничений нет. Разве справку для водительских прав могут не дать. И то есть шансы.

Про Лёшу постановили – пока отсрочка от армии на один год. Понаблюдаем, далее будем решать. Но в любом случае будет ограничение годности и, если есть желание пойти в ин-

ститут, придётся сразу принести в деканат справку об освобождении от военной кафедры.

Саше посулили белый билет и инвалидность, пока третью группу. Лечение будет продолжено амбулаторно, как оно и раньше было. Когда меня водили в другой корпус на энцефалограмму, оказывается, тоже на эпилепсию проверяли. Так вот, Санёк от мигающего света может посреди дороги упасть в припадке. Хреновато ему в жизни приходится.

Сева вызвали последним. Про brave солдата Швейка читали? Диагноз помните? Слабоумный симулянт. Та же фигня. Если врачи подтвердят первое слово, то надо лечить. Медицинским работникам больной не подчиняется, от лечения отказывается, в коллектив не вписывается, другие симптомы тоже в наличии. Вроде бы ему место в больнице. Однако больной говорит, что болен, – это уже подозрительно. Неоднократно заявлял, что не хочет в армию, на эту тему читал книги по психиатрии и собирался симулировать душевную болезнь. Вдруг правильно второе слово? Тогда не лечить больного надо, а сажать симулянта за уклонение от воинской службы. Но! Здоровый человек будет говорить посторонним людям, что он симулянт? Никогда! Словом, имеем типичную ситуацию «надо разобраться». Оказывается, ему и кололи сильные лекарства на предмет посмотреть, что он будет делать – больные не меняют своих реакций, а Сева их таки менял. Таким образом, задал человек докторам работы. Но наши умнейшие врачи докопались до истины – больной, бу-

дучи больным, симулировал болезнь, не зная, что уже болен. О как! Словом, статья 7-а в зубы, и наслаждайся жизнью — тебя признали психом.

Всеволод обрадовался, спросил у знатоков подробности и сильно загрустил. Оказывается, статья 7-а показывает, что человек годен к нестроевой службе в МИРНОЕ время. Оружие ему доверять нельзя, а вот лопату вполне. Так что если летом Сева не поступит в институт, то осенью поедет служить в строительный батальон.

На следующий день утром нас отпустили по домам. Решили поддерживать контакты. У Саши телефон имеется, обменялись с ним номерами. Сева дал свой, однако не слишком охотно. У Лёши телефона нет, но он наши номера записал. Ко мне у него есть шкурный интерес. Он слышал, как я рассказывал про свою комнату, и сразу сделал вывод. Парню уже восемнадцать, возможно пойдёт в армию, точно на завод, а у него девушка есть. Хочет попроситься с ней ко мне в гости. Спокойно посидеть, поболтать... желательно с ночёвкой.

Полина

Степашенька

Стёпа, бывший гимназист выпускного класса, а ныне идейный анархист-синдикалист, чёрноармеец, секретарь боевого клуба «Ураган», входящего в Федерацию анархистских групп Москвы, и начинающий корреспондент газеты «Анархия», был на нервах. По чёрной кожаной тужурке, чёрной кожаной фуражке, а главное, по маузеру в кобуре из орехового дерева и перевязи с множеством карманчиков под обоймы его сразу можно было отнести к настоящим бойцам революции. Ещё на всякий случай карман тужурки оттягивал наган, а на ремне висела патронная сумка с зарядами к нему.

Но сейчас молодой человек решал извечный вопрос российской интеллигенции – что делать? Пока основная часть боевой группы через окна перестреливалась с латышскими стрелками Петерса, идейный вождь клуба выгребал из несгораемого шкафа экспроприированные у буржуев ценности. И походило на то, что несгибаемый революционер под шумок желает сбежать.

Степашенька, как ласково звали его родители, и сам был не без греха – вместо того, чтобы, следуя приказу, сдерживать атаки чекистов до подхода помощи с Донской или из Дома анархии, он скрылся в относительной безопасности ниши перед лестницей. Слабое оправдание – охранение тыла на

случай обхода красных было неприличным даже в его собственных глазах. Он стыдился до тех пор, пока не заметил крадущегося вождя. А прошмыгнув за ним и увидев такое, задал себе вопрос – как оно возможно?! А если возможно, то...

– Кто здесь? Стёпка, ты?

Рука командира потянулась к кобуре кольта, но юноша первым вырвал из кармана наган. Выстрел, второй, третий... Револьвер плевался пулями, пока боёк не защёлкал вхолостую.

Перезаряжать наган не было времени. Степан ткнул его обратно в карман и прислушался. В перестрелке на револьверные выстрелы другие черноармейцы не обратили внимание. Тогда умный гимназист и молодой, но уже опытный боец решил отступить. Он сноровисто побросал в саквояж оставшиеся в сейфе ценности. Получилось тяжеловато, сильно больше полупуда, пришлось пренебречь партийными документами. Затем победитель спустился вниз по чёрной лестнице.

Таясь от всех, через заднее окно Стёпа вылез во двор и, скрытый темнотой апрельской ночи, скользнул к воротам дворовых служб. Не то у чекистов было мало людей, не то они не знали планировки двора, но выход совсем не охранялся. Избегая светлых мест, петляя и прячась, уже бывший анархо-синдикалист уходил от революции и соратников по отряду. Куда? Сами подумайте, куда может бежать нашко-

дивший юнец? Домой, конечно. Пусть кто-то решит, что он трусливо дезертировал, но это не так. Степашенька уходил строить новую, лучшую жизнь. Пусть пока только для себя, но кто знает? Быть может, потом он осчастливит и ещё кого-нибудь.

Родители уехали за границу вскоре после начала февральских событий. Сын категорически отказался их сопровождать, пообещав, однако, непременно последовать за ними. Квартиру предки оставили на него и горничную Полю. Милая, нежная Полюшка, единственная из прислуги оставшаяся верной своим хозяевам и не сбежавшая, как многие другие. Степашенька не раз, начиная ещё с прошлого лета, пользовался кроткой податливостью девушки и на этом основании считал себя причиной верности прислуги. Изредка забегал домой, чтобы оставить в книжном шкафу на память о революционной борьбе кое-какие вещицы, реквизированные у буржуев и экспроприированные у экспроприаторов. Иногда он подкидывал девушке продукты, дрова и... кто из нас не грешен?.. оставался с ней на ночь. Без обязательств, конечно.

Сейчас он доберётся до дома, отдохнёт, переоденется и завтра же оставит город. Жди меня, Париж! С таким золотым запасом можно плюнуть на анархию, монархию, да и на революцию тоже. Нагляделся изнутри, что стоит за словами о свободе, равенстве и братстве – кровь, грязь и грубые мужики, без малейших признаков манер. Год надо пере-

ждать, благо сейчас появилось на что, а когда наступит стабильность, вернуться.

Но уезжать придётся непременно завтра с утра. С раннего утра. Кто бы ни победил в схватке, пропажу ценностей не спустит. Полине надо велеть отвечать, что не видела его с прошлого месяца. И дать рублей пятьдесят золотом... Много! Куда ей столько? Хватит и... Посмотрим... Не с собой же её брать, в самом деле. В Тулу со своим самоваром не ездят.

Вот и окошко. Тук-тук.

– Поля, это я. Открой.

– Степан Пудович! Это вы?!

– Я, я. Открывай. Только тихо.

Скрипнула дверь чёрного хода. Фигура в скрипучих кожаных одёжках просочилась на кухню.

– Подай чаю и поешь.

– Давно вас не было. Закончились продукты. Чай только морковный. Рафинаду совсем нет. Полы вымыла, полфунта чёрного хлеба дали, тем и сыта.

Юноша недовольно засопел, чувствуя свою вину. Давно пора было подкинуть прислуге продуктов.

– Растопи колонку в ванной. Вымыться хочу.

– Так дров, Степан Пудович, тоже не осталось. Керосину в примусе только-только хватит воды на чай скипятить.

Да, надо было позаботиться о снабжении. А то как-то стыдно получается. Может, всё-таки дать ей пять червонцев?

– Подавай морковный, раз ничего другого не осталось.

Раздевшись до исподнего, накинув халат и плотно зашторив окно, Степан вытряхнул на скатерть содержимое саквояжа.

Груда ценностей впечатляла. Конечно, не так много, как хотелось бы, но прилично, вполне прилично. Дорогих камней маловато, основную цену дадут за тяжесть золотых вещей, но и так хорошо выйдет. В открытой двери появилась служанка с подносом. Увидев такую роскошь, она даже изменилась в лице. Руки её отчётливо дрожали. «Небось, не видела таких богатств», – подумал Стёпушка.

– Поленька, милая, вот – дарю. – Пара дутых серёжек была пододвинута на край стола. – Я тебе дамский пистолетик давал, верни сейчас мне его.

– Премного благодарна, Степан Пудович.

– Я утром уеду. Будут спрашивать – ты меня с прошлого месяца не видела. Поняла?

– Поняла, Степан Пудович. Извольте чаю отведать.

Чай был откровенно плох. Сушёная морковь придавала напитку какой-то горьковатый привкус. Однако кипяток согревал, и Стёпа выпил половину стакана, прежде чем услышал выстрел.

Полюшка

Глубокой ночью Полю разбудил тихий стук в окошко.

– Поля, это я. Открой.

Девушка соскочила с сундука, накинула на плечи платок и подошла к окну.

Стёпка пришёл. Опять небось насильничает, сволочь. Повадился с прошлого лета. Судьба у прислуги такая – любовью из хозяев юбку задрать норовит. А сейчас власти нет, вовсе мужики распустились.

– Степан Пудович! Это вы?!

– Я, я. Открывай. Только тихо.

Полина открыла чёрный ход. Молодой хозяин, весь в коже, с тяжёлым саквояжем, вошёл в дом и приказал:

– Подай чаю и поешь.

А ты принёс попить-поесть? Тебе своё отдавать? Обойдётся!

– Давно вас не было. Закончились продукты. Чай только морковный. Рафинаду совсем нет. Полы вымыла, полфунта чёрного хлеба дали, тем и сыта.

Скривился. Не нравится? Бесстыжий! Глаза мои на тебя бы не глядели! Одежка-то хорошая, не бедствуешь, небось. Насильничать горазд, а как чего поднести девушке, так нет. Я из-за тебя плод стравила, а ты даже бровью не повёл, когда узнал. Красненькую выдал, и только. А что на царские сейчас купить можно?

– Растопи колонку в ванной. Вымыться хочу.

Сказала же – обойдётся!

– Так дров, Степан Пудович, тоже не осталось. Керосину в примусе только-только хватит воды на чай вскипятить.

– Подавай морковный, раз ничего другого не осталось. Тебе и морковного жирно будет, кобель поганый.

Пока Поля раскочегаривала примус, Степан скинул на подзеркальник в прихожей перевязь и кобуру маузера. За ними последовал поясной ремень с патронной сумкой. Рядом примостился кисло пахнувший порохом наган с расстрелянными патронами, последней легла фуражка со звездой. Тужурка заняла своё место на вешалке. С помощью машинки снялись лайковые сапоги. Френч, портянки, галифе и даже нижняя рубаша были брошены прямо на пол у вешалки. Подхватив принесённый саквояж, хозяин удалился в столовую.

Полина, увидев гору вещей, только вздохнула. Подразумевается, что она всё это выстирает и вычистит до утра. Даже пистолеты. Правильно ей говорила Марфа: «Хозяева вернутся или нет, один Господь ведаёт. Если Стёпка пропадёт, никто его искать не будет. А ты и без него устроишься». – «Грех это! Не по-божески...» – «А плод стравить по-божески? Он тебя пожалел? Вот и ты его не жалея».

Сквозь приоткрытую дверь виднелась золотая россыпь драгоценностей. Побледневшая девушка дрожащей рукой засыпала сушёную морковь в заварочный чайник. Помешала, чтобы лучше заварилась. Поставила стакан на поднос и вошла в комнату.

– Поленька, милая, вот – дарю. Я тебе дамский пистолетик давал, верни сейчас мне его.

– Премного благодарна, Степан Пудович.

Нищенская подачка укрепила дух Полины, а требование вернуть подаренный ранее изящный браунинг окончательно разозлило. Пистолет – вещь хорошая, полезная и дорогая. А следующая фраза, из которой следовало, что в планах Стёпки для неё нет ни малейшего места, успокоила совесть.

– Я утром уеду. Будут спрашивать – ты меня с прошлого месяца не видела. Поняла?

– Поняла, Степан Пудович. Извольте чаю отведать.

Парень жадно, чуть не пролив, отпил первый глоток, обжёгся и дальше пил аккуратно. К тому времени, как вернулась Полина, он успел ополовинить стакан и не обратил внимания на прислугу. В натруженной, мозолистой ладони девушки золочёный пистолетик с узорами на корпусе и с рукоятью из мерцающего перламутра выглядел неуместной игрушкой. Поля почти в упор сделала два выстрела. Первый попал в спину самоуверенного молодого хозяина, второй – в затылок. Стреляя, девушка со злостью выплёвывала слова:

– Сволочь! Подлец!

Затем стояла рядом, ничего не делая, только крепко сжимая оружие и злорадно, во все глаза, чуть не с восторгом, глядя на агонию Степана. Когда всё закончилось, Поля первым делом убрала ценности со стола обратно в саквояж. Затем завернула в старое покрывало кожаную тужурку, перевязь, оружие. Хозяин не знал об этом, но принесённые золотые вещицы, лежащие за книгами в шкафу, прислуга нашла сразу после его ухода, прикинула стоимость и решила оста-

вить себе. Положено! За работу! Она хозяйство ведёт, а ей, как уехали господа, никто не платит! Не считать же нищенские подачки продуктов жалованьем... И насильничал он её, за то тоже положено. Правильно Марфа сказала – Стёпка ни разу её не пожалел. Потому всё ценное из шкафа добавилось к содержимому саквояжа.

Прислуга в точности знала, где что лежит в доме, и до утра перебирала вещи. Что попроще, но попрacticней, складывала в свой сундучок. Более яркие и дорогие вещи отбирались для обмена или в запас. Их она упаковывала в хозяйские чемоданы, коробки, ящики, связывала в узлы и опускала под половицы. В детской комнате с времён постройки остался маленький лючок, только-только залезть туда и протолкнуть вещи в неширокий проём между уложенным на доски паркетом и потолком подвала. В холодильный шкаф, сделанный под кухонным окном, прятались самые ценные вещи, саквояж, патроны и все найденные пистолеты. Себе Полина оставила не браунинг, справедливо считая его красивой игрушкой, а более простой и надёжный офицерский наган Степана. Огромный маузер экзотического вида даже не рассматривался женщиной как оружие самообороны.

Зашедшая утром Марфа пособила близкой подружке, договорилась со знакомым возчиком и помогла увезти тело с квартиры. За то Полина отдала мужчине кожаную фуражку и лаковые сапоги Степана, а наперснице кое-что из хозяйских вещей. Тужурка была сменяна чуть позже на два меш-

ка картошки, изрядный кус сала и куль муки. Позже пришёл черёд и других вещей уехавших хозяев, они помогли дожить до лучших времён. Чека и милиция считали обмен вещей на продукты мелкой спекуляцией, однако понимали, что без этого не прожить.

Ни единой золотинки продано не было. Поля знала, что за ней присматривают завистливые соседи, да и власти ждут – не всплывут ли ценности её хозяев. Однажды был обыск, но ничего «такого» не нашли и даже не изъяли. Лишь один солдатик попросил поделиться с ним парой хозяйского белья.

В тот же день к вечеру он вновь зашёл, принеся в благодарность три пайковые селёдки, буханку хлеба и кусок рафинада. В августе квартиру уплотнили и в комнаты подселили госслужащих. К тому времени Полина переехала из кухонной кладовки в бывшую детскую комнату, обставленную мебелью, собранной по всей квартире. Солдату такое жильё показалось верхом комфорта. Особенно когда женщина достала щепоть старой, ещё с прежних времён, заварки. Словом, он остался до утра, а затем и вовсе переехал сюда жить. Семейная идиллия продлилась несколько месяцев, затем его отряд перебросили, затыкая прорыв на фронте. В первом же бою Полин сожитель погиб. На память о нём осталась справка, выданная вдове солдата, говорящая, что её муж героически погиб, защищая Революцию. С таким документом жить стало легче, вдове красноармейца даже положили ежемесячный паёк.

Холодильный шкаф под кухонным окном остался надёжно скрытым, никто из новых соседей и не подозревал о нём. Владелица клада служила у разных хозяев домработницей по договору и ждала возвращения стабильности. В своих мечтах она открывала швейный салон или мелочную лавочку, а иногда даже питейное заведение с граммофоном и самоваром. Когда объявили НЭП и стало возможно осуществить мечты, Поля испугалась прогореть и решила обождать. Почему прогореть? Она же всего лишь прислуга. Малограмотная. Читает еле-еле по складам, написать может только закорючку своей подписи. Считает, правда, хорошо. Удобного момента Полина ждала до самого начала гонений властей на нэпманов, и лишь тогда с облегчением вздохнула – правильно сделала, что сидела тихо и не показывала свои богатства. До войны сменила нескольких хозяев, причём последние жили в той же квартире, что и она.

Когда немец подошёл к Москве, в эвакуацию Полина не поехала. Сначала про неё забыли, она же не работала на производстве, а когда вспомнили, женщина уже пристроилась нянечкой в офицерском госпитале, организованном в ближайшей школе. Начальство любило Полю за усердие и безотказность. Больные ценили в ней доброту и что через неё можно было сменять трофеи на нужные вещи, выпивку или курево. В 1944-м из эвакуации вернулась хозяйка и смогла перевести свою домработницу из госпиталя на номинальное место где-то в госучреждении, а реально вернуть себе в при-

слуги.

В конце сороковых хозяйку посадили. В две её комнаты заселили семью другого ответственного работника, и у Поли в очередной раз сменились хозяева. Даже выйдя на пенсию, она продолжала работать домработницей. Только неожиданная смерть нанимателя прервала долгую службу женщины.

Не надо думать, что золото было забыто. Нет! Несколько раз в году, когда никто не мог видеть, Полина доставала вещи, относила к себе в комнату, любовно перебирала драгоценности, чистила оружие, смазывала кожу ремней, кобуры и перевязи касторовым маслом, затем упаковывала заново и возвращала в тайник. За все эти годы из холодильника ничего не ушло.

В одну из ночей середины января 1972 года старушка не проснулась, тихо скончавшись во сне. После похорон соседки, тоже пенсионерки, разделили немудрящий скарб покойной. Причём недовольно сетовали на отсутствие отложенных на поминки денег.

В самом начале марта в комнату заселился разведённый мужчина. Он выкинул ненужные вещи, побелил потолок и заменил обои. Холодильный шкаф продолжил оставаться незамеченным.

За прошедшие годы никто ни разу не поинтересовался судьбой Степана или его родителей.

Коммунальная квартира

Пришёл домой, сразу вспомнил прошлую жизнь. Моя комната маленькая, вся заставленная мебелью – малюсенький диван, при откинутых поручнях превращающийся в койку, платяной шкаф, у окна письменный стол и стул. Больше здесь ничего не помещается, кроме люстры на потолке и полка с книгами на стенах.

Назавтра я прогулял школу. Маме честно объявил, что надо зайти в военкомат, отметитья после лечения. Правда, не сказал, что это не обязательно. В военкомат пришёл, требовал бумажку про то, что был в больнице. Её и повестку для школы дали без напряжения. На сегодняшний день планов у меня громадьё. Хочу поехать в комнату, посмотреть, что там творится, а при возможности разобраться с тайником. А что? Рабочий день, дома максимум будут две соседки-пенсионерки.

Сказано – сделано. Приехал, открываю своим ключом входную дверь, тут же из комнат выглядывают бдительные старушки. Я вежливо здороваюсь, и они скрываются обратно. Был бы не один, обе бабуси точно прошествовали бы на кухню, разглядеть в подробностях, что, как и с кем я пришёл. Ко мне относятся нейтрально, а вот с другим соседом они сильно не дружат. Сразу после его заселения в квартиру попытались высказать недовольство Грише, это жилец, который вместо тёти Паши вселился. Причина – в первый же день привёл к себе женщину. Но мужчина их так обложил матом, что теперь при нём они сидят и молчат в тряпочку.

Сосед вообще делает в квартире что считает нужным. Например, сразу после ремонта в своей комнате стал разбирать общую кладовку. На нашей кухне есть такая. Обе пенсионерки были против. Гриша разложил в коридоре, наверное, тонну разных ржавых вёдер, шаяк, тазов, корыт, стиральных досок и всего такого прочего, часто дырявого и обязательно помятого. Спросил: «Надо? Берите!» Бабульки не взяли, но обиделись. Тряпок из кладовки набрался чуть не мешок. Ещё там нашёлся огромный сундук с плоской крышкой, сказали, на нём было положено спать кухарке. В сундуке лежал тяжеленный велосипед без колёс, понятно, тоже ржавый, и части от разобранной швейной машинки. Алевтина Кондратьевна, из первой комнаты, её помнила. Машинка была уже разобранной, когда Хрущёв в Америку летал.

Целую неделю квартиру лихорадило, зато кладовка стала пустой и чистой. Гриша забрал себе древний угольный утюг, а мне пытался подарить два чугунных, но я их не взял. Розе, молодой соседке с ребёнком, хотя она еврейка, всучил форму для кулича в виде креста. Алевтине Кондратьевне толстую подшивку дореволюционных газет, а бабе Дусе, из второй комнаты, бронзовый подсвечник и отвергнутые мною утюги.

Обрывки проводов, куски стёкол, кривые отвёртки, молотки без ручек и прочий подобный хлам растворился в недрах ближайшей помойки. Хорошее дело сделал человек, но оценил его только я один. Даже Роза ругала Гришу за само-

управство.

В качестве пережитка прошлого, на нашей кухне было две лампочки, и включались они двумя выключателями. Один был четвёртой комнаты, то есть Гришин, другой пятой, то есть мой. Идея такая – заходишь на кухню, включаешь свой выключатель, соответственно, платишь только за свой свет, ведь провода идут к твоему личному счётчику. На соседней кухне было три выключателя. Думаете, маразм? Не скажите... Баба Дуся никогда не включала свою лампочку, если горела соседская. Зачем? Ей и так светло. Розе было всё равно, а Алевтина Кондратьевна в таком случае выходила из кухни и выключала свой свет. И наоборот, никогда не включала, если горела лампочка бабы Дуси. Если горела лампа Розы, то зажигала, считая, что Роза честная, не пользуется чужим электричеством на халяву.

Раньше в коридоре, туалете и ванной было по пять выключателей, но почему-то вдруг, ещё до переезда бабушки, решили оставить по одному и платить по общему счётчику, конечно, пропорционально числу проживающих в каждой комнате. Не знаю... Может, пересчёт платы за электричество был для старушек одним из немногих развлечений?

Так вот, при подведении итогов за февраль пенсионерки мне донесли – я ПЕРЕПЛАЧИВАЮ!!! Гришка раза три, если не четыре, зажигал мою лампу вместо своей. Очень они расстроились, когда я не пошёл ругаться с соседом. Правда, Григорий тоже хорош, чуть позже, на глазах у старушек,

предложил мне рубль за использованный им свет и гоготал, глядя на их лица, когда я его не взял. Четыре раза... пусть по четверти часа, больше холостяк на кухне не проводит, он только воду для чая кипятит. Итак, четыре раза по четверти часа горела лампочка в сорок или шестьдесят свечей. Сколько десятых долей копейки нагорело?

Я понимаю, женщины не корысти ради следили за ним, а порядка для. Ну не нравился он старушкам! Не любят они его! Почти каждый день к соседу приходит женщина. Причём не всегда одна и та же. Затем он с женщиной пьёт. Потом из комнаты слышатся неприличные звуки. Какая одинокая пенсионерка такое вынесет? Тем более, часто даже трезвым, а пьяным всегда, Гришка выражается нехорошими словами. Матерными, если говорить прямо.

Сейчас соседа нет, он на работе. Розы тоже нет, она тоже работает, ребёнок в яслях. Так что часов до пяти или до шести вечера в квартире находятся только две пенсионерки. Причём на мою кухню они не зайдут, хотя могут проходить мимо, если двинутся на свою. Тогда точно посмотрят, чем я там занимаюсь, у них это на уровне рефлекса. Соответственно, разглядеть крепление подоконника я успею, но вот открыть тайник навряд ли. Даже если пойму, возможно ли оно?

Моя комната последняя в коридоре, за ней в торце прохода вторая кухня, а напротив меня первая, наша с Гришей. В ней кладовка и чёрный ход. Он выходит в другой, не парадный подъезд с выходом во двор. Запирается на могучий

засов и снаружи не открывается, на двери просто нет замка.

Ещё в кухне имеется окно, вот якобы под его подоконником и нашли тайник. Вы спросите – как такое возможно? Я вам прозрачно намекну – у нашего дома кирпичные стены, толщиной более метра. Там человека спокойно замуровать можно. Окно глядит во двор и... облом!.. на окно второй кухни. Как-то я про это не подумал. Если кто-то из соседок там будет, то меня сразу засечёт. Ладно, пока пойду поставлю чайник. Чай, сахар и сушки у меня лежат в запасе. Понятно, на кухне есть газовая плита, раковина с краном и два кухонных стола. Гришин, бывший тёти Полин, у окна, мой – у противоположной стены. Не успел набрать воды, как мимо, к себе на кухню, прошествовала Алевтина Кондратьевна. Да... Боюсь, осмотр придётся отложить. Следом за первой соседкой сразу вышла вторая.

– Дусечка, вы сейчас идёте? – вдруг слышу речи пенсионерок.

– Даже не знаю. Алевтина, я бы не пошла, но хлебушек закончился, и мне бы купить колбаски, грамм двести.

– Ну вот! Заодно и прогуляемся. Я тоже булку хлеба куплю, маслица и рыбки. Хочу супчик себе сварить.

Из дальнейшего разговора стало понятно, что бабушки собираются в магазин. Одной скучновато, вот они и скооперировались. Действительно, не прошло и получаса, как бабуси ушли. Доложили, что они пойдут на Пятницкую по магазинам, хотя могут завернуть в колбасный на Добрынке.

Уходя, велели никого в квартиру не пускать. На телефонные звонки отвечать, обязательно записывать, кто кому звонил. У телефона висит специальная бумажка и карандаш.

Я еле смог сдержать своё нетерпение. И сразу после того, как закрыл за соседками дверь, рванул на кухню к подоконнику.

Клад

Первый осмотр подоконника ничего не дал. Толстая, массивная деревянная доска, такая же, как на других окнах. Держится непоколебимо. Однако присев, увидел два забитых в стену металлических костыля, крепящих скобы, фиксирующие доску. Их легко смог вытащить рукой. Встал, попробовал подвигать подоконник, оказалось – это крышка. Легко и просто поворачивается на скрытой оси, открывая нишу в стене под окном. Точнее, ларь. Очень похоже, что когда-то он служил для хранения скоропортящихся продуктов. Пусть может использоваться только в холодное время, но всё-таки половину года работоспособен. Понятно, почему батарея не как в комнатах, под окном, а около двери чёрного хода. Я думал, небось, когда кухонную печь топили дровами, с ней батарея парового отопления была совсем лишней. А оказывается, её так поставили для того, чтобы она не нагревала холодильник.

Внутри ларя первой увидел затёртую женскую лаковую сумочку, в старое время ласково называемую ридикюлем, а

сейчас – барахлом на выброс. Она лежит на кожаном, неплохо сохранившемся саквояже. Саквояж же стоит на небольшом фибровом чемоданчике. Все они довольно увесисты для своего размера. Больше в холодильнике ничего не нашлось.

Быстро отношу вещи к себе, закидываю в шкаф. Затем бросаюсь закрывать подоконник. Привожу более-менее к исходному виду, но хлопья краски из трещины выдают мою деятельность. Теперь понятно, почему тётя Поля вечно протирала тряпочкой свой стол и подоконник. Наметил себе – раздобыть эпоксидки и залить гнёзда костылей. Тогда их точно никто случайно не вытащит. А вот со щелями надо будет хорошенько подумать, как поступить. Прошпаклевать и закрасить? Можно. Но как объяснить это Грише? Он наверняка заметит такие изменения и заинтересуется.

Ладно, потом что-нибудь придумаю. Хотя, на мой страстный взгляд, щель вдоль рамы со стеклом широковата. И краска как-то странно там облупилась. Как можно такое не заметить? Впрочем, сколько лет никто на это не обращал внимания. Может, и обойдётся. Кстати, открывается крышка легко, значит, тётя Поля регулярно смазывала ось.

Не то я долго возился с уборкой, не то бабуси решили вернуться раньше и посмотреть, что я тут делаю, но заскрежетал древний звонок у входной двери. Я открыл, отпрапоровал об отсутствии вторжений и скрылся к себе в комнату, а вернувшиеся соседки ещё долго ходили по коридору, делая

какие-то свои дела. Вскоре пришла мама Розы, привела ребёнка из ясель. Затем появилась и сама Роза. Получается, что я еле-еле успел сделать дело до прихода соседей.

Если смотреть на улицу, то голова прохожего будет на уровне чуть выше нижнего края рамы. Именно для такого случая на окнах, кроме тюля и штор, сразу под форточкой вешают на верёвочках простые белые занавесочки. Ведь если в комнате горит свет, то тюль не задерживает нескромные взгляды, а шторы сложновато задёрнуть без щелей. Я убедился, что занавесочки задёрнуты, запер дверь на крючок, для полноты конфиденциальности включил телевизор и... вспомнил – со всеми хлопотами я так и не выпил чаю.

Интересно, какую болезнь мне диагностировали? Быть может, мазохизм? Сам себе оттягиваю момент изучения найденной захоронки. Или, может, просто боюсь начинать? Ладно! Чаю так чаю. Перекусить действительно хочется. Иду на кухню, кипячу воду, завариваю чай, наливаю большую бабушкину кружку, добавляю три ложки сахара. Всё! Больше нет поводов оттягивать осмотр.

Первым делом беру женскую сумочку. Открываю и вижу, почему она такая тяжёлая – наверху лежит револьвер, похоже наган. Хотя я в оружии особо не разбираюсь. Между прочим, заряженный, в барабане семь патронов. Под ним толстый вязаный шерстяной носок, плотно набитый мелочью. Я даже посчитал, там тридцать три рубля, монетами от копеек.

ки до полтинника. Рублёвых монет не было. Под носком, завёрнутая во фланелевую тряпочку, лежит пухлая пачка денег. Обалдеть – там две тысячи триста двадцать рублей, купюрами от тройка до четвертного. Сотенных, пятидесятирублёвых и рублёвых бумажек нет вообще. Откуда столько денег у пенсионерки? Хотя... Семьи у неё нет, всю жизнь работала. Даже на пенсии ходила убирать квартиры за деньги. Но две тысячи – это реально много. Ни писем, ни документов, ни фотографий в сумочке не нашлось. Только наган и деньги.

Очень полезная находка. Мне живые деньги нужнее любого золота. Почему про них не говорили? Наверное, в момент нахождения клада, в 1994 году, не придали купюрам значения, ведь они уже давно вышли из употребления и стали курьёзом. Наган явно рабочий. Смазанный, ухоженный. Наверное, из него и салютовали работяги, когда разбирали добычу.

Саквояж хорош. Кожа не потрескалась и не рассохлась, очевидно за ней ухаживали. Внутри лежат жестяные коробочки самого разного размера, от печенья, от конфет, от зубного порошка. В них золото, почти всегда завёрнутое в бумагу типа кальки. Я не взвешивал, однако думаю, килограммов около десяти будет. Одних золотых николаевских червонцев значительно больше сотни. Шесть часов с цепочками, десятков массивных портсигаров, много перстней, цепочек, крестов, брошек и других штучек. Хорошо, конечно, но что с

этим богатством делать?

Сразу понятно, что предыдущая хозяйка любила золотишко – ценности разобраны и по комплектам уложены в коробочки. Изделия обёрнуты в кальку, а комплекты ещё и в мягкую фланельку. Были баночки с женскими украшениями, отдельно с мужскими. Например, в одной жестянке лежали узкий, вытянутый портсигар на две сигары, пепельница-подставка и карманная гильотина, всё из золота, понятно. В другой – массивный перстень, запонки и закладка для галстука. Они украшены большими синими камнями. Вообще, вещей с камнями было немного, больше просто золотых. Часы – ладно. Как вам изящная малюсенькая фляжка? При отвинчивании крышечки обнаруживалась уходящая внутрь ложечка. Это кокаинница, модная вещь Серебряного века.

Что странно, в упаковке из-под вазелина нашлись простенькие, дешёвенькие, слегка помятые, дутые серёжки-колечки. Зачем они лежат отдельно, непонятно. Наверное, были чем-то особенно дороги хозяйке.

В фибровом чемоданчике, прямо на откидной крышке, в кармашке нашлась стопка бумажек, в основном всякие справки на имя Уховой Полины Фомовны. Чувствовалось, что ими не дорожили и держали на всякий случай.

В основном отделении несколько свёртков. В большом узле нашёлся маузер в красивой деревянной кобуре на длинной кожаной портупее. С шомполом и кармашком для запасной обоймы на ремнях, держащих кобуру. Сам воронёный,

деревянная рукоятка под цвет кобуры. Выглядит новым, как с завода. Разряжен, но к нему есть не то перевязь, не то пояс с двенадцатью карманчиками под обоймы. В них ничего нет, заряды переложены в жестяную коробку из-под печенья. Патронов ровно сто сорок штук – двенадцать обойм по десять из карманчиков пояса, одна обойма из кармашка кобуры и десять патронов россыпью, думаю, разряженных из пистолета.

В коробке хранится и кожаный подсумок с патронами. Там свободно болтаются двадцать один патрон для нагана. Если его забить полностью, поместится ровно двадцать восемь штук. В отдельном свёртке хранятся револьверные патроны в двух коробках по двадцать пять штук.

Но великолепие маузера затмила стильная шкатулка, обтянутая синей кожей, с дарственной надписью на пластинке: «Васеньке от любящей мамочки». В шкатулке лежит вызолоченный маленький браунинг с гравированным узором корпусом и перламутровыми накладками на рукояти. Внутри куча разных прибабасов, аккуратно лежащих по ячейкам. Интересна вложенная в коробку типографская листовка с подсчитанной общей ценой. Там на пожелтевшей бумаге, старым шрифтом с ятями, напечатано:

Автоматический 6-зарядный пистолет системы Браунинг, самозаряжающийся. (Fabrique Nationale de guerre Herstal Liege). Цѣна 60 руб.

Длина пистолета 2½ вершка, вышина 1¾ вершка. Весъ 65 золотниковъ. Кал. 6,35 м/м, золот., гравир., перламутр. руч. Предохранитель находится въ рукояткѣ.

Къ пистолету магазинъ прилагаетъ бесплатно:

– Подробное наставленіе къ обращенію с пистолетомъ, шомполь, отвертку, три учебныхъ патрона, щетинную щетку и флаконъ костяного масла.

– Запасной магазинъ на 6 патр. 6, 35 м/м. Цѣна 1 руб. 50 коп.

– Кобура жёлтая из загранич. цвѣтной кожи. Цѣна 2 руб. 50 коп.

– Ящикъ, обтянутый цвѣтной загранич. кожей, с мѣстами для приборовъ для чистки, запасной обоймы и коробки с патронами. Цѣна 5 руб.

– 100 патроновъ 6,35 м/м съ бездымнымъ порохомъ и пуль в никелевой оболочкѣ, изготовленные на той же Національной фабрике. Цѣна 8 руб.

Итого 77 руб.

Примѣчаніе. Патроны для пистолетов Браунингъ работы Національной фабрики совѣтую пріобрѣтать этой же фабрики, съ подписью самого изобрѣтателя г. Браунинга.

Патроновъ съ заграничными этикетками, но Русскаго снаряженія, а также Русскихъ фабрикъ, какъ болѣе дешевыхъ и слабыхъ, магазинъ не держитъ.

Внутри ящика, на зелёном бархатѣ, помимо изящного пи-

столе́та, больше по́хожего на игрушку, в специальных выемках расположились запасной магазин, учебные патроны, принадлежности для чистки. Флакон для масла есть, но уже пустой. С краю даже вписалась коробка с сотней патронов, хотя в ней не хватает двух штук. В откинутой крышке поместилась книжка с инструкцией.

Кобура скорее красивая, чем нужная, но дарёному коню в зубы не смотрят. Тем более непонятно, куда её можно повесить. Положено на пояс, но так ты сможешь дойти только до первого милиционера.

Вообще, поздновато уже, мама с работы домой вернулась. Мне тоже пора, а то искать меня начнёт. Книжку возьму с собой, интересно почитать про настоящий пистолет. Деньги... рублей десять тоже с собой, больше пока не нужно.

Вечер трудного дня

Позвонил маме, сказал, что еду. Вытащил деньги, две пятёрки и горсть мелочи. У меня монетница есть, вот и пригодится. Положил в сумку книжку про пистолет, почитаю в дороге. Ещё взял самые маленькие часы, однако широкую плоскую цепочку с них снял – жалко. Я не жадный, я экономный. Пусть часы старые, может и сломанные, зато золотые. Зачем взял? Подарить хочу. Я раньше молодой был, глупый. Не понимал, как мне психиатр удружил, отмазав от армии. Не поступив в институт, после двух лет службы про научную работу можно будет забыть. А сейчас, с прошлым жиз-

ненным опытом, мне в армию не хочется. Сейчас там только зря время потеряю. Раз всё так сложилось, надо бы успеть хоть что-то сделать. Тем более появились денежные ресурсы. Удивительно, что клад раньше не нашли.

Кстати, его хорошо бы припрятать, хоть временно. Пусть у меня никого не бывает, но вдруг кто зайдёт и увидит? Тогда нехорошо может получиться. Вопрос – куда убрать? Комната вроде и большая, но идей нет. Заходишь в неё, оказываешься рядом с левой стеной, там ещё висит вешалка. В коридоре тоже есть, но жильцы предпочитают вешать у себя. Рядом стоит могучий платяной шкаф для одежды. За ним до самого окна кушетка. Это окно – одно из двух. Понятно, они уже на другой стене, напротив входа. Между окон стоит тумбочка, на ней телевизор. Узкой стороной возле второго окна, широкой вдоль правой стены, расположился двухтумбовый письменный стол. Перед ним высокий деревянный стул. Над ним две полки для книг. Следующим вдоль стены притулился расшатанный венский стул, затем маленький современный раздвижной обеденный стол-книжка и второй венский стул. Вдоль последней стены с входной дверью стоит раскладной диван, тоже довольно современный. Завершает убранство этажерка, на ней стоят бабушкины фаянсовые слоники. Восемь штук по убыванию.

Вам не кажется, что комната излишне загромождена? И вот мне кажется. После похорон мама устроила здесь генеральную уборку, от бабушкиных вещей остался самый мини-

мум посуды. Кое-что соседки забрали. Треснувшие тарелки, чашки без ручек, надколотый фаянсовый молочник и многое другое в том духе было безжалостно выкинуто. Старая одежда, тряпки и узел слабо опознаваемых вещей пошли следом за посудой. Словом, сейчас у меня шкафы, полки и ящики идеально чистые. И пустые. На них лежит лишь пара комплектов спального белья и несколько полотенец, да и те привезены из дома. Временно задвинул вещи под диван, потом спрячу получше.

Две триста с небольшим рублей – моё самое ценное приобретение. Что делать с золотом, а тем более с оружием, не представляю. Хотя браунинг оставляю себе. Не из-за того, что красив, просто он самый бестолковый. Больше всего патронов к маузеру, но как с такой дубиной ходить? Его же не спрячешь! Наган, наверное, тоже отдам. Опять же, слышал про «Брамит», прибор для бесшумной стрельбы. В тайник для будущего вполне годятся и маузер, и наган. Из-за патронов, в первую очередь. Калибр браунинга маленький, хуже калибра 7,62 у маузера и нагана. В магазине всего шесть патронов, правда, есть запасной. Браунинг наименьший и по размеру, и по весу. Плоский, его легко спрятать даже в карман. Зато к маузеру подходят патроны от ТТ, и для нагана ещё можно достать заряды.

Мне же сейчас воевать не с кем, до перестройки ещё далеко. Чтобы черкануть пару писем, оружие не нужно, достаточно взять ручку, сесть и написать. Значительно сложнее

придумать, как передать написанное.

Самое срочное послание должно попасть к адресату хоть за несколько дней до начала июня. Времени не так много – пока смогу подсунуть конверт, пока его будут читать и анализировать, пока сообщат информацию получателю. При том мне бы самому не засветиться перед нашим родным и любимым КГБ. Есть мысли, как сделать дело и не оказаться под колпаком, специально читал мемуары всяких «бывших». Надо будет тихонечко сходить, посмотреть и определиться на месте. Наверное, лучше с уже написанным письмом. Случаи всякие бывают, вдруг удобный настанет, а у меня ничего с собой не будет. Успешный экспромт должен быть заранее подготовлен.

С такими мыслями доехал до дома. Тут не так далеко, всего минут двадцать на троллейбусе. Можно на метро, даже чуть быстрее, но пока пешком дойдёшь до станции, пока от станции доберёшься до дома... Троллейбус – просто сел и едешь. Мама покормила, напомнила, что завтра в школу, и отправилась к подружке в соседний дом, любят они собраться и посплетничать. Как будто на работе не занимаются тем же самым. Они работают вместе в Гипрорыбпроме, обе что-то чертят на кульманах. Обе подчёркивают, что они не чертёжницы, а работают на должности чертёжник-КОНСТРУКТОР! В чём разница, помимо названия, мне так и не объяснили.

Я же занялся сбором портфеля и приведением в порядок

школьной формы. Свои вещи я всегда чищу и глажу сам, из принципа. Маминого принципа, а не моего.

Когда отгладил брюки, решил было зайти к соседу, внезапно зазвонил телефон. Саша из больницы. Мы же при расставании обменялись номерами. Его сегодня дёрнул Лёша, мне он не дозвонился, тогда перезвонил Сашку. Рассказал про мою комнату и сделал интересное предложение. У него есть девушка, у меня комната. Интересно получается, да? В его доме полно народу, не уединишься, даже поговорить нельзя. По улицам гулять холодно и противно. А Ленка живёт с мамой, и вообще она из Ногинска. Город текстильных фабрик и ткачих, там есть много симпатичных девчат. Его милая, для меня и Сашки, хочет привезти подружек на предмет познакомиться. Можно с ними посидеть, если ко мне в гости напроситься. Саша немного смутился от столь интересной постановки вопроса, но познакомиться с девочками захотел. Соответственно, решение за мной.

Договорились встретиться в субботу, часов в пять вечера, мы же с Сашком учимся. Если девчатам покажется поздно, то в воскресенье утром, в любое время. Я ведь там и переночевать могу, приму гостей в любое время. С меня комната, хлеб и чай с тортиком. Ребята взяли на себя колбасу для бутербродов и бутылочку вина. Посидим, поболтаем. Саша обещал принести переносной магнитофон, если девчата не будут против, потанцуем.

Тортик с бутербродами – это хорошо, но нас же шесте-

ро. Девочки, конечно, создания хрупкие и воздушные, но когда перестают стесняться, наворачивают не хуже парней. Я сам жрец не из последних. Жрец, понятно, от слова кушать. Лёшка тоже ложкой помахать любит. А если судить по больнице, Сашок вообще не ест, хавчик он просто уничтожает со страшной скоростью. Значит, придётся серьёзно подумать.

Как только положил трубку, сразу оделся поприличней обычного, вышел на лестничную клетку и позвонил в соседнюю дверь Льву Ароновичу. Открыл психиатр, зазвал меня к себе, после приветствий усадил на кухне и спрашивает:

– Вернулся? И что тебе сказали?

– Статья 7-б, не годен в мирное время, годен к нестроевой во время войны.

– Вот и хорошо! В армию не идёшь, а для гражданки почти чист. Ты ещё всего не понимаешь...

– Понимаю, Лев Аронович, – перебиваю я доктора. – Спасибо. Вот, возьмите. Подарок.

Протягиваю часы. Врач берёт их и недоверчиво разглядывает. Потом переводит взгляд на меня.

– Даже боюсь спросить, где ты взял такую прелесть?

– Взято – не украдено, Лев Аронович. Наследство от бабушки.

– Я так понимаю, твоя мама не в курсе.

– Нет. И бабушка не её.

– А! Родственники со стороны отца?!

По семейной легенде, папин дедушка был большим че-

ловеком, но в 1937-м его расстреляли, а в 1939-м разобрались, реабилитировали и извинились. Отец возражал: «Враки!» Говорил, папина мама, моя другая бабушка, это придумала в 1953-м, для поднятия вопроса о дополнительной пенсии. На самом деле дед был работягой на «Серпе и молоте», записался в ополчение и погиб в боях под Москвой. Моя мама свято верила свекрови и с удовольствием рассказывала знакомым про больших людей в семье. Видать, и тут по ушам проехала. Мне же лучше, доктор сам себе обоснование нашёл.

– Ну... Почти...

– Понял-понял, – врач добродушно потрепал меня по плечу и позвал жену. – Браха! Иди к нам, посмотри, что мне пациент подарил!

– Да? Покажи, – жена немедленно возникла рядом, и часы переключались к ней в руки.

Лев Аронович низенький, полненький человек, с седеющими кудряшками вокруг весьма обширной лысины. Браха Менделевна, наоборот, статная, подтянутая женщина, всегда изящно одетая и причёсанная волосок к волоску. У неё ещё остались следы былой красоты. Работает в каком-то издательстве и... Увы нам, мужчинам!.. И плотно держит мужа под каблучком.

– Лёва, ты почему не угостишь мальчика кофе? Хотя у вас дела. Разговаривайте, я сама ему сварю.

Женщина быстрыми, отточенными долгой практикой

движениями засыпала в джезvu сахар, подогрела её на огне. Добавила кофе, залила воды, и через несколько минут оказалось, что чудесный аромат полностью соответствует великолепному вкусу. Единственно, во время готовки она не молчала, а говорила сама. Несколькими быстрыми и якобы небрежными вопросами она попыталась выяснить, есть ли ещё что-нибудь и не надо ли помочь в реализации.

Я сказал, что не знаю про оставшийся ассортимент, но пообещал спросить. Меня же пообещали познакомить с отличным часовщиком и немножко ювелиром. Так как я хороший мальчик и всё правильно понимаю, то она мне скажет, что некоторые евреи уезжают в Израиль, и им хочется приехать туда не совсем голыми. Рубли не вывезешь, да и не нужны они там, а вот купить немножко золотых изделий людям было бы интересно. Ещё, чтобы я понимал серьёзность темы, проинформировали о цене за грамм. Если в магазине золото продают по десять, то с рук хорошая вещь уходит и по пятнадцать, и даже по двадцать рублей. Особенно если брать не деньгами, а менять на дефицитные вещи. Ту же мебель, технику или даже машину, если удастся найти столько золота. Намёк понял, буду думать.

Судя по реакции, я поступил неожиданно для Льва Ароновича, но отблагодарить врача было правильной идеей. Хозяйка бросила строгий взгляд на мужа и сурово приказала:

– Лёва, позвони Натану. В пятницу они должны будут отправить результаты обследования в военкомат. Мальчику

надо поменять статью с 7-б на 8-б.

– Да, милая. Ты права, так Серёже будет совсем хорошо.

Мне объяснили, что 7-б – это умеренное психическое расстройство, а 8-б – невротическая реакция на основе личностных особенностей. Грубо говоря, пациент невротик, а не психопат. А вот Севина статья 7-а – это полное издевательство. То, что он симулировал, специалисту понятно сразу. Опять же, больные подробно рассказывают персоналу о словах и о поведении друг друга. Так что медперсонал много чего фиксирует в истории болезни. Но бодаться и доказывать столь серьёзные обвинения без особой нужды никому не хочется. Но ведь здоровых людей почти нет, проще найти подходящую статью. В общем, Всеволод, получил те же ограничения и неудобства, что и со статьёй 7-б, но вдобавок ещё пойдёт в армию, в не самые престижные войска. Обычно там собирают ребят из среднеазиатских республик, плохо знающих русский язык, приклатнённых, выпущенных из колоний, ну и в меру больных психическими расстройствами. Причём обвинение в симуляции можно попробовать и опровергнуть, а вот такой диагноз трудно опровергнуть, но крайне просто подтвердить. К тому же выписка из истории болезни с характерными высказываниями пациента ляжет в личное дело призывника и будет характеризовать его и перед другими компетентными органами. Да... Добрые люди психиатры...

По моему поводу при мне звонить не стали, отправили домой, пообещав «всё будет».

Клавка

Клавдия Вавиловна

Директриса большого продуктового магазина Клавдия Вавиловна, за глаза всеми называемая просто Клавкой, только присела у себя в кабинете. Первый раз за день, между прочим. Кругом дела, дела... На улице дождь, а Петровна, уборщица, ленится лишний раз подмахнуть тряпкой зал. Рабочий овощного отдела накирлялся, а кто за него работать будет? Ту же картошку перебирать? От каждого привоза с базы магазину положен отсев на гниль и порченный продукт, потому сразу после поступления рабочие бросаются на переборку. В счёт отходов отбирается крупный, непорченный клубень, перефасовывается и увозится на рынок, остальное идёт в продажу. Знакомая, по документам колхозница, продаёт картошку от себя. И с морковью та же история, и с луком. Работы непочасть край, а он в нажоре! Придётся штрафовать... Пусть живёт на одну зарплату! Распустился! Нет работы – нет денег!

Молодая пришла в буфет. Сколько раз было сказано – «молочный коктейль сбивать четыре минуты»? Четыре минуты! Тогда в миксере не три, а четыре стакана получается. Нет! Торопится! В молочном молоком сметану разбавили! Ведь каждый день твержу – разбавлять кефиром. И так везде, куда ни ткни! В колбасный привезли колбасу с завода, ещё тёплую. Чуть в холодильник до утра не поставили! За-

были, что она вымораживается, тринадцать килограммов на тонну за ночь! Куда ни глянь, везде глаз нужен. В кондитерском у мешков с сахарным песком вёдра поставили, чтобы влагу сахар впитал и потяжелее стал. Так что? Песок пожелтел! Ну что за сволочизм такой! Работнички, понимаешь! Сами делать ничего не хотят, а сверх зарплаты денег просят. Рабочим дай! Ментам дай! Торговой базе как в пропасть бросаешь! А себе чего?!

Трудно, очень трудно зарабатываются деньги. Ещё эти... покупатели... скандалить норовят. Глаза бы на них не смотрели! Впрочем, на сегодня рабочий день закончен.

Усталая женщина шла домой и мечтала отдохнуть. Муж с дочкой поехали подлечиться на курорт. Звонил, говорит, вода тёплая, купаются. Звал к ним, но как она может бросить магазин? Сейчас самый пик фруктов, сезонный товар, лучший для пересортицы. Зимой на юге делать нечего, разве весной поехать? Сразу после майских? Урвать хоть недельку. Всех денег не заработаешь...

С такими мыслями Клава зашла в квартиру и сразу почувствовала неправильность в обстановке. Увидев сброшенные на пол вещи, не снимая уличных туфель, метнулась к шкафу, к серванту, потом на кухню, в туалет, опять в комнату... Всё! Всё нажитое! Всё пропало! Женщина рухнула на стул и горько заплакала.

В слезах она потянулась было к телефону, но тут же отёрнула руку. Какая милиция! Молчать надо! Никому, да-

же мужу, а то он расстроится. Хотя от мужа не утаишь – его часы взяли. Он их в шкатулочке оставил, когда на юг поехал. Боялся, на пляже украдут. И брюлики украли, сволочи. Любимые серёжки – малинка... И остальное... Голая теперь! Нищая! Осталось только то, что на себе надето и что в кошельке... Надо на даче закопанную банку проверить. Из хранимого у мамы придётся взять немного денег на первое время. Тыщоночку, не больше. И кого бы попросить достать новых бриллиантиков? Без них не выйдешь... Часы для мужа... Опять расходы! Как так жить можно?! Кругом одно жульё! Честных людей совсем не осталось! И ведь, небось, кто-то из своих навёл. Завидуют, подлые...

Петя-Петушок

Есть среди домушников отвратительные люди, выходящие на дело в грязных отрепьях или, наоборот, одетые с иголочки, но и в том, и в другом случае не гнушающиеся дочи-ста обобрать квартиру простого рабочего человека. Если судить по фильмам, их быстро находит возмездие. Есть благородные воры, Арсен Люпен тому пример. Но те чаще встречаются в книгах с мягкой обложкой и с броским названием. Пётр Сергеевич Толоконников, по погонялу Петя-Петушок, причислял себя к среднему арифметическому между двумя крайностями, но всё же ближе к благородным вора-м. Да, он воровал! Но! Исключительно только у богатых! Бед-ным деньги никогда не раздавал, не имел такой глупой при-

вычки, однако, когда уходил в загул, обмывая удачное дело, мог угостить собутыльников. Хотя, конечно, ожидая ответной любезности в виде встречного налива или иной благодарности.

В тюрьме ему пришлось посидеть, причём целых два года. Не самый приятный опыт, однако так сложились обстоятельства. Там он и заработал себе кликуху. Сел по глупости. Кто мог знать, что партнёр сдаст его с потрохами ментам? Казалось бы, приняли тебя одного, напарник успел сбежать, так возьми на себя дело! И сообщнику хорошо, и ты вместо «совершённого группой» от четырех лет, получаешь всего до двух. Но свою умную голову дураку не приставишь, пришлось перед следками крутиться, как вошь на сковородке. Там что-то шепнул, здесь словечко молвил, удалось натянуть на явку с повинной. Но два года лагерей судья всё равно прописал. Уж теперь Пётр такую глупость не совершит, будет ходить на дело только в одиночку, только по верным наколкам, пусть и придётся платить наводчику.

Кроме того, Петя разработал собственную манеру работы, так мягко им называлась кража. Первый раз он приходил на место в грязной спецовке, с небольшим чемоданом инструментов и запахом перегара. Нет, он не пил, только полоскал водкой рот и чуть-чуть брызгал на ворот спецовки. В таком наряде его никто не спрашивал, что он здесь делает. К самой квартире Петушок даже не подходил. Зачем? Тип замков, наличие сигнализации, расположение комнат, ино-

гда места возможных тайников – продавал посредник. Цель прихода была иная – поиск места, куда на пару недель можно спрятать инструменты. Чердак, подвал, реже шахта лифта – его устраивал почти любой вариант.

Второй раз приходил простой советский человек, одетый неброско и легко, а главное, с пустыми руками. Он вытаскивал чемодан из нычки, шёл к объекту приложения сил и быстро вскрывал дверь. Время, когда хозяев не будет дома, ему тоже сообщали заранее. В квартире Петушок редко находился более половины часа, но успевал склевать много ярких блестяшек и шуршащих бумажек, запрятанных по разным потайным местам. Если в квартире был сейф, он обязательно вскрывался, а запертые замки ящиков взламывались. На поиск тайников у Пети был просто удивительный дар. Найденное упаковывалось вместе с инструментами. Всё, что не помещалось туда, безжалостно оставлялось. Никакие габаритные вещи не подлежали выносу. Разве только под заказ или если находилось что-то совсем экстраординарное. Ведь бывшие хозяева могли отыскать похитителя через барыг. И зачем рисковать за сотни рублей, когда уже взяты тысячи?

После завершения дела чемоданчик вновь прятался в тайник, и из дома выходил человек с пустыми руками, причём даже бабушки, сидящие у входа на лавочке, не могли заметить ничего противозаконного. В третий, последний, раз, ещё через недельку, на месте вновь появлялся датый работяга, а когда уходил, уносил свои инструменты. Его никто

не связывал с кражей – проходило уже прилично времени, все посвящённые считали, что ценности давно проданы и пропиты. Вы поняли? Посвящённые. Обворованные крайне редко вызывали милицию. Завмаг, завпроизводством, продавец, а то и простой истопник или дворник редко, когда желали объяснять милиции, откуда в доме простого работяги нашлось столько денег и дорогих вещей. Ведь после заявления о краже могла прийти повестка из ОБХСС. Общаться с этой конторой мало кто желал. Потому, проглотив тяжкую обиду и горькое разочарование в человечестве, несчастная жертва обиженно молчала о своей финансовой потере. Именно по этой причине, кроме крупного аванса, наводчик получал целую треть от добычи.

В этот раз дело обещало быть удачным и прибыльным. Сегодня у подъезда не сидели вездесущие старушки. Люк на чердак не был заперт. Закопанные в шлак инструменты никто не нашёл. У Пети даже были выданные наводчиком ключи от квартиры. Под стопкой наволочек нашлась толстая котлета. На первый взгляд, в карман упала чуть не целая тысяча рублей. Про них посредник точно не узнает. В серванте лежала шкатулка с золотыми украшениями и импортными часами. В бачке унитаза затонул свёрток, запакованный в толстый целлофан. Ещё один спрятался в банке с пшённой кашей на кухне. Очень хотелось взять хозяйский баул, да и забить его барахлом, но, пусть жаба сильно душила, у Петра был принцип – уходить из квартиры с самым минимумом вещей. Так

что в тайник лёг лишь профессионального вида фанерный чемодан. Троллейбус подъехал на остановку в тот самый момент, когда человек дошёл до неё. «Господи! Как сегодня всё удачно складывается!» – про себя воскликнул счастливчик.

С сознанием хорошо выполненной работы Петя поехал в «Зелёный огонёк» – кафешку на Пушкинской, в самом центре Москвы. Организована она для таксистов, но туда в середине дня часто собирались деловые. Не гулеванить, просто пообедать. Здесь удачливые воры кормили коллег, которым не фартило. Некоторые просто приходили спросить знакомых, нет ли дела, а если есть, то выяснить, к кому обращаться за подробностями. Вот и Петя поехал туда.

После успешной работы не грех было заказать в кафе графинчик водочки и сидеть, блаженно её потягивая под котлетку с пюре и овощной салатик. И в этот приятнейший момент в кафешку зашёл знакомый по зоне. Помятый, потёртый, с блаженством в глазах и улыбкой на лице. Всем понимающим людям было ясно – человек недавно освободился и прибыл в Первопрестольную. Петя встрепенулся и подскокил к вошедшему.

– Какие люди! И без конвоя! Давно откинулся?

– Хромай отсюда, Петушок, – невежливо отозвался знакомец.

– Да ладно тебе, мы же не на зоне, – Пётр в порыве чувств полуобнял сидельца и заорал от нестерпимой боли в печени.

– Сука! Получай, пидор! Получай! – при каждом слове

заточка входила в живот Пети-Петушка.

До больницы бедолагу живым не довезли. Убийца сидел у следователя и объяснял:

– Гражданин начальник, я сяду, базара нет. Пусть всего неделю погулял на воле, но ни один петух не будет меня лапать. Я авторитет потеряю, если такое спущу.

Посредник, услышав про кончину Пети, лишь тяжело вздохнул. Чемодан так и остался лежать под слоем шлака.

Четверг

В школе ребята стали спрашивать, где был, почему в школу не ходил. Ответил честно – лежал в больнице от военкомата. Не сказал, правда, в какой. Позавидовали. Ведь через неделю весенние каникулы, а я целых десять дней школу прогуливал. На перемене поймал Илонку Черкасову, она в иняз собирается, хорошо язык знает. Спрашиваю:

– Илон, дело есть. Можешь помочь найти репетитора по английскому? Мне нужен только разговорный, письменный я нормально знаю.

– Знаешь? Ты? – удивилась девчонка. – Я не поняла, это ты так ко мне подкатить хочешь?

– Вот что за мысли у примерной комсомолки?! Я тебя серьёзно спрашиваю.

Девчонка презрительно фыркнула и отошла, задрав нос. Не! Я понимаю – она считает себя первой красавицей класса, хотя другие девчонки с этим не соглашаются, но я-то за ней

никогда не бегал.

– С репетитором поздно заниматься, – вмешалась Яна Калитина. – Тебе с пятого класса надо все учебники проработать.

Янка нормальная девчонка, мы с ней давно знакомы, как говорится – «в яслях сидели рядом на горшках». Едва ли сидели, я тогда жил на 2-м Спасском, но с первого класса вместе учимся, да. До восьмого в параллельных, она в «А», я в «Б», с девятого их объединили в один. Кстати, зря про неё не вспомнил – у девочки мама учительница русского, причём даже в нашем классе, может помочь в поисках. Отвечаю:

– Говорю же, нормально читаю и перевожу. С устной речью плохо. Мне бы её хоть чуть-чуть подтянуть. Может, ты кого знаешь?

– Хочешь, я спрошу у мамы, вдруг она что посоветует? Только сначала надо проверить твой уровень.

– Всегда готов!

– Тогда останься после уроков. Может, мама чего-то придумает. Сейчас репетиторов многие ищут, дороговато выходит.

– Так и я не бесплатно. Деньги мне отец выделил.

Договорились, в общем. Потом приятель подошёл, Егор. Мы с ним вдвоём на школьную секцию самбо ходим. Нет, уже не ходим. Сейчас он мне это сообщил:

– Денис Тихонович сказал, что нам надо к выпускным экзаменам готовиться. Говорит, на секцию пока лучше не хо-

дить.

Я сразу понял, в чём дело. Мы же уходим из школы, можно сказать уже отрезанные ломти, зачем ему на нас время тратить? К тому же особых спортивных достижений нет, мы даже на районе не выходили на первые места. Но это озвучивать не стал. Тренер ведь никого не выгонял, только посоветовал. Надо будет поблагодарить человека. Он многому нас обучил, много времени потратил.

После уроков две учительницы и Яна стали определять уровень моих знаний. «Лондон – столица...» и так далее из книжки для внеклассного чтения я перевёл с листа. Легко пошла и статья из Moscow News... Это газета на английском языке. По-моему, её читали только школьники и студенты, ну, может, ещё их учителя. Разговорная речь, как ни странно, была признана относительно приличной. Видать, на общем фоне я смотрелся не так плохо.

– И чего ты тогда придуриваешься? Почему на уроках не работаешь? – грозно нависла над моей партой Владилена Егоровна, наша англичанка.

– Ленивый он, – пояснила Кристина Борисовна, мама Яны. – В голове только математика, физика и самбо. Дай-ка я ему диктантик устрою.

Устроила. Результат не озвучила, но довольно покивала.

– Я правильно понимаю, что с точными науками у тебя порядок?

– Да. Я на математический хочу поступать.

– Ну что, Лена, подтянешь его?

Тут я выкладываю взятые из клада две пятёрки. Образно говоря, пускаю в бой тяжёлую артиллерию. Учителя не сказать, что много получают, потому соблазн велик.

– Мне отец на неделю для репетиторов дал. Велел подтянуть всё, что нужно. Сказал, что до экзаменов платить будет.

Женщины переглянулись. Кристина Борисовна обнадёжила:

– Подтянем. Планируй после уроков оставаться на дополнительные занятия. Владилена Егоровна с тобой английским займётся, я – русским и литературой. Посмотрим, может, получится.

У нас в июне восемь экзаменов – по алгебре будет контрольная, по русскому – сочинение, остальное устно. Геометрия, литература, физика, химия, английский язык и история. Всю четвёртую четверть будем повторять уже изученное и зубрить билеты. Для среднего балла в аттестате подтянуть ещё и русский с литературой совсем неплохо.

Если буду поступать на вечерний, то оно не важно. Однако при подаче документов на дневной, особенно в престижный вуз, каждая десятая будет на вес золота.

Всё время разговора на задней парте сидела Янка. Вышли из школы вместе, сразу стало понятно, что в её глазах я сильно поднялся. Она даже сказала:

– Надо же! Я думала, ты только по математике сильный.

– Ян, а ничего, что я ещё музыкалку закончил? После

восьмого меня в Гнесинку звали.

– Да?! А почему не пошёл?! Помню! Ты на такой штуке из палочек играл на школьном концерте!

– Угу. Ксилофоном штука называется.

– Так почему не пошёл?

– Ты телевизор смотришь? Там часто говорят: «Сейчас наш известный ксилофонист Вася Пупкин исполнит...» Ты вообще хоть раз, кроме моего, ксилофон видела?

– Нет, но...

– Вот и я не видел.

– А Пупкин действительно известный музыкант?

– Это я первую попавшуюся фамилию придумал.

– А! – задумчиво промолвила девочка и несколько не логично перепрыгнула на другую тему: – Серёжа, а почему у тебя девочки нет?

И что ответить на такое? Оправдываться? Не говорить же, что стеснялся девушек даже на танец пригласить на школьном празднике, не то что в кино. Я предпочёл солидно заявить:

– Времени не хватает – школа, уроки, секция. Хорошо, что занятия музыкой закончились. Сейчас и на самбо ходить не буду. Зато другая напасть – выпускные экзамены. Как тут время на подружек выкроить?

Лукавлю, конечно, однако девочка принимает мои слова за чистую монету и сочувственно вздыхает. Но молчит. Тут я предлагаю:

– Давай к экзаменам вместе готовиться? Я тебя по математике, физике и химии подтяну, а ты меня по русскому и английскому.

– По истории тоже, – добавляет Яна и вновь вздыхает, теперь уже довольно.

Идём так же рядом, но каким-то образом она оказалась чуть ближе ко мне. Довёл её до дома, благо живём в одном подъезде, только на разных этажах. Быстро разогреваю оставленный мамой обед, ем и еду в коммуналку, прихватив свой шикарный рюкзак.

Конструкцию батя подсмотрел на какой-то международной туристической выставке. Сам он заядлый походевик, магазинные образцы ему не нравятся, потому мастерит собственные модели. Этот считает одним из своих лучших творений. Сшитый из технического капрона, с широкими плечевыми лямками, новинкой на сегодняшний день – поясным ремнём, четырьмя наружными карманами на молниях, боковой шнуровкой, типа яровского образца, клапаном и вытяжным тубусом сверху для увеличения объёма до сотни литров. Прониклись? Теперь завидуйте – с рамой из дюралевых трубок! И даже с колёсиками, на которых конструкцию можно возить по ровной дороге. Причём, когда они не нужны, колёсики легко можно снять. На нынешний момент лучший рюкзак походевика. Я получил его в подарок на окончание восьмого класса.

Новая жена отца меня не сильно любит, но приходит в го-

сти не запрещает. Мой младший брат по отцу, наоборот, обо-
жает. Его старшая сестра по матери относится нейтрально,
хотя моего отца искренне и показательно ненавидит. Прав-
да, своего отца она ненавидит значительно сильнее. Моя ма-
ма ту семью тоже демонстративно не любит, но все «прилич-
ные» вещи, из которых я вырос, отправляет брату. Когда я
хотел скинуть братишке свой ксилофон, выяснилось, что у
него нет музыкального слуха. Зато мои детские боксёрские
перчатки были приняты с восторгом. Как там сказано у клас-
сиков? «Высокие отношения!»

В коммуналке уже привычно выглядывают старушки, и
я прохожу к себе. Зачем пришёл? Решил убедиться, что го-
сти не найдут мою захоронку. Знаю, шансов мало, что пока
меня не будет, влюблённая парочка начнёт по комнате рыс-
кать, но червячок-то точит, потому запер находку в тумбу
письменного стола, вместо ящиков. Там дерево только топо-
ром расколоть удастся, замок крепкий, без ключа не откро-
ешь. Ящики из тумбы на шкаф положил, они всё равно пу-
стые.

Позвонил Саньку, он сообщил – девчата решили, что пять
вечера в субботу слишком поздно, и обещали приехать в вос-
кресенье с утра. Получается, на целый день. Я и раньше ду-
мал, что тортиком и бутербродиками не обойдёмся, а теперь
просто уверен. Сесть вшестером сможем – стол раздвинем,
два венских стула, один конторский, трое уместятся на ди-
ване. Не влезут, тогда с кухни стул принесу. С кастрюлями

и сковородками полный порядок, скорее их переизбыток. В глубине нижней полки стола нашлись два чугуна, с крышками в виде небольших сковородок. Один огромный, литров на десять. Ни разу не видел, чтобы бабушка в нём готовила.

Раз нашёлся чугун, я решил блеснуть и приготовить для гостей плов. В будущем одно время я часто ездил по делам института в Киргизию, в славный город Фрунзе, там один местный научил. С ним, конечно, даже сравниться не могу, но для Москвы плов получался приличным. Все, кто ел, хвалили.

Продолжил ревизию. Чайников два, один из них литров на шесть. Ножи-вилки-ложки, пусть разнокалиберные, но от бабушки остались в большом количестве. Вот тарелок и чашек маловато, надо или подкупить, или у соседей в долг просить.

Решил не одалживаться, рванул в Добрынинский, там на первом этаже есть секция посуды. Как бы ни ругали в девяностых СССР, но простые и добротные вещи можно было купить без проблем. Чайный сервиз на шесть персон мне обошёлся в двадцать шесть рублей. Такой простенький с розовенькими цветочками. Столовый набор – это тот же столовый сервиз, но без супницы, потянул на сорок восемь шестьдесят. Он не шедевр изящества, но выглядит симпатично.

Внос в дом полного рюкзака вызвал ажиотаж. Распаковку производил на кухне – мне всё равно мыть придётся, а так хоть старушки от любопытства не помрут. Поинтересоваться

вышло всё население квартиры, даже Григорий заглянул посмотреть. В целом мой выбор одобрили. Частности касались комплектации. Например, все сошлись на том, что соусник лишний, только зря место занимает, а вот салатниц нужно будет докупить.

Плов

Что в плове самое важное, особенно когда ты готовишь его девушкам? Баранина? Рис? Зира? Они тоже, но самое главное другое – антураж. Надо показать восхищённым зрительницам процесс приготовления, а потом заставить подождать и подать на стол красивый, ароматный и вкусный готовый продукт. Вот потому мне пришлось сильно побегать. На рынках Москвы есть любые продукты, которые выращивают в Союзе. Только не надо спрашивать, сколько они стоят, и так понятно, что придётся заплатить две или три цены магазина. Многие хвалят Центральный рынок, хотя он и самый дорогой, однако я предпочитаю Черёмушкинский. Захаживал туда не так часто, но, когда были деньги, мог прикупить что-нибудь вкусенького.

В субботу, как освободился, решил закупиться там. На прилавках изобилие – картошка, бочковые солёные огурцы, толстое сало, по желанию с прожилками или без оных, крепенькие мочёные антоновские яблоки... не устоял, купил три штучки. Их положили в два целлофановых пакета, вложенных один в другой. Не удержался и одно съел сразу. Та-

кой, знаете, чуть щиплющий язык сок, немного островатый вкус. Запах даже описать не берусь.

Но я пришёл не из-за яблок, мне нужны разные разности для плова. Как можно обойтись без красного перца? А без сушёного барбариса? Зира, понятно, про неё даже не говорим. Нашёл старичка-узбека, сидящего за столом с множеством открытых, прянопахнущих мешочков. Рассказал про свою нужду и получил свёрнутый фунтиком кусок газетного листа со специальной смесью для плова. Пряности – это прекрасно, но магазинный рис и рис, который выращивают для плова в Узбекистане, – это две большие разницы. Да, он не такой светлый. Да, он хуже очищен. Но вкус не сравнить! Опять же, не разваривается, как обычный.

Аксакал со мной согласился и подозвал подручного, человека тоже в возрасте, но чуток помоложе. Тот повёл меня по рынку. Иногда останавливался, тыкал пальцем и велел платить. Крупная оранжевая морковь, белые головки чеснока, крепкие луковицы, бутылка темноватого, пахучего, хлопкового масла с осадком, порубленные куски баранины и, как венец путешествия, мешочек чуть красноватого риса оказались в моём рюкзаке. Как хорошо и удобно иметь такую замечательную вещь! Легко и удобно донёс до остановки. Пока доехал до дома, прикончил оставшуюся мочёную антоновку.

Холодильника в комнате у бабушки не было, я тоже пока его себе не завёл, но мясо хорошо легло между рамами окна в моей комнате. На улице ещё достаточно холодно, ночью

держится минусовая температура, до готовки баранина нормально долежит.

Утром, чуть не к открытию, сбегал в магазин за хлебом. Кирпич орловского за восемнадцать копеек, батон пшеничного за двадцать пять, три городские булки по семь копеек. Торт взял обычный «Трюфельный», свежий, красивый, немного мокроватый от сладкой пропитки и сплошь засыпанный коричневым, чуть горьковатым, порошком какао. Меня даже слюна прошибла, честное слово! В продуктовом разжился сыром «Пошехонским», триста граммов по два рубля шестьдесят копеек, попросил продавщицу порезать. Полкило варёной колбасы по два тридцать. Она, конечно, грубовата, но мне нравится. Впрочем, полкило «Любительской» по два девяносто тоже взял и тоже попросил порезать. Масло по три пятьдесят, два вида – солёное и несолёное. Беру полкило несолёного. Яйца лежали по девяносто копеек, по рубль десять и по рубль тридцать. Взял десяток самых дешёвых, я же не эстет, мне и такие сгодятся.

Однако и завтракать давно пора, я выскочил, даже стакана чая не выпив. Сковородка. На неё плеснул чуток подсолнечного масла. Нерафинированного, пахучего. Как зашкворчало, кидаю кругляши варёной колбасы, в палец толщиной. Специально по два тридцать взял. Зажарил до корочки, перевернул, кольца порезанного лука добавил. Сверху разбил три яйца, чуть подсоллил, чуть обождал, и завтрак холостяка готов. Просто, без изысков, но я так очень люблю. Ем прямо

со сковородки, так оно вкуснее. И лишняя посуда не пачкается, и можно горбушкой булки за семь копеек, она же городская, она же французская, ею же хрустят, рабочую поверхность протереть от остатков приготовленного и сразу отправить в рот. Хоть сковородку не мой! Но перед этим колбаску в яишенке так... ножичком разрежешь, а она жирком сочится. Яичко жареное с наколотого на вилку кусочка свисает. Лучок подтомлённый, но твёрденький, внутри белочка проглядывает. И ты всё это в ротик... Ам! Эх! Как в народе говорят? Люблю повеселиться, особенно пожрать!

Чуть прибрался в комнате, на этажерку положил бумажные салфетки. Не для стола, точнее, не только для стола. Знаете, какой сейчас жуткий дефицит на туалетную бумагу? Хотя многие предпочитают пользоваться кусками газеты. Пардон, у унитаза мешочек вешают для резаной прессы. Анекдот тогда ходил: агитатор (была такая общественная нагрузка в Союзе) спрашивает работника: «Какую газету будешь выписывать?» Тот: «У меня радио дома есть!» Агитатор: «Задницу тоже приёмником станешь подтирать?» Бесплатных, рекламных газет ведь не было, а за простой туалетной бумагой в очереди стояли. И то надо было поймать, когда её в магазине «выбросят». Так что салфетки считались дорогой и очень приличной альтернативой.

Всё почистил и приготовил для плова. Даже промытый рис сохнет и ждёт, когда его засыпать начнут, а гостей всё нет и нет. Только около двенадцати позвонили, дескать, встре-

чай. Пришли четверо, Саша, Лёша со своей Светой и её подруга Вера. Вторая подруга в последний момент не смогла поехать. Причём Вера на Сашку поглядывает, они уже познакомились. Похоже, я один остаюсь. Однако как-то оно не того... неприятно. Ну и ладно, я уже понял, что облом. Зато Янка вполне конкретно стала строить мне глазки.

Парочки сошлись довольно колоритные. Лёша здоровый и сильный парень, до почётного наименования Шифоньер немного недотягивает и чуть ниже меня, но тоже ничего, впечатляющий. Света только на полголовы ниже своего милото, тоже неплохо сложена, но, если говорить честно, не очень красива. Черты лица немного грубоваты, волосы коротковато подстрижены. Но это на мой взгляд пожившего человека, обаяние молодости списывает все недостатки. Грудь небольшая, но чувствуется только пока, в дальнейшем будет вполне ничего. В будущем типичная «бой-баба». Парочка русая, курносая, и если бы не взгляды, которые они бросают друг на друга, можно было бы их принять за родственников. Они излучают какую-то надёжность и спокойствие.

Сашка довольно высок и худ, несмотря на количество потребляемых им продуктов. Стиль – Фитиль. В смысле подраться или просто помочь перетащить вещи я бы на него полагаться не стал – переломится. Вера пухленькая, низенькая. Такой симпатичный, смешливый колобок с длинной косой, обернутой вокруг головы. Уже успела похвастаться, что у неё распущенные волосы ниже колена. Он брюнет, она скорее

блондинка. И оба любители поговорить. Знакомы всего ничего, а уже успели многое узнать друг о друге.

По манере разговоров, одежде и прочим мелким нюансам видно, что ребята из рабочих семей. Та же Янка, например, тоже одета не в самые дорогие вещи, но носит платья как-то... не могу даже сказать, в чём разница, но имеет более ухоженный вид. Она, может, не первая красавица, но очень симпатичная девчонка. С ней поболтать приятно, не то что лет пять-семь назад, когда она была писклявой врединой. Хотя... может, я сам тогда не интересовался девчонками.

Увёл ребят к себе в комнату, посадил за стол. Плов делать часа три буду, проголодаемся. Чтобы дотерпели и для начала знакомства напую чаем, опять же будет общая тема для разговора. Пока крутился на кухне, ко мне Сашок подошёл, принёс овальный колясик краковской колбасы.

– Серёга, – говорит он, – Уступи мне Верочку? Она такая... А Светка тебя с другой познакомит. Ты извини, что так получилось...

– Да ладно, – отвечаю я, – что я, себе девчонку не найду?

Сразу успокоился парень. Тут Лёша со Светой подошли. Он выставил бутылку немецкого вина, мы его называли «Молоко любимой женщины», хотя правильный перевод надписи на бутылке «Молоко Богородицы». Девушка достала большой судок с «Мимозой», но посуду просила вернуть. Ещё появилась кастрюля с пирожками – доля Веры. В принципе, вот так в складчину мы и собирались компаниями.

Обе девочки стали мне помогать, парни вышли помогать им. Тут на кухню зашёл Гриша, увидел вино, скривился:

– Сладенькой водичкой травитесь! Взяли бы лучше водочки, она не в пример лучшее идёт.

Высказав своё просвещённое мнение специалиста, он подогрел чайник и величественно удалился.

Плов я делал в несколько приёмов. В самом начале разогрел чугунок и налил хлопкового масла. Положено стакан на килограмм риса. Раскалив масло до появления дымка, бросил луковицу и как следует прожарил. Это нужно, чтобы приглушить излишне резкий вкус и аромат, масло же хлопковое. Луковицу вытащил, а вместо неё бросил баранину и обжарил до появления корочки, а тем временем нарезал лук и зажарил до золотистого цвета. Затем наступила очередь моркови, а потом высыпал пряности из газетного кулёчка и посолил. Чуть укрутил конфорку, довёл зирвак, так называется основа плова, до готовности и добавил воды на два пальца выше смеси. Как закипело, уменьшил огонь и оставил тушиться. Где-то через час ровным слоем выложил в чугунок рис и залил водой выше него на два пальца. Прибавил огня, а как вода впиталась, вдавил целиковые головки чеснока внутрь риса и довёл до готовности на среднем огне. Понять, когда рис готов, – это целое искусство, но я справился. Чеснок вытащил и подождал, пока на минимальном огне рис дошёл до кондиции.

Только не надо думать, что всё время провёл на кухне.

Нет, в промежутках мы ели, болтали, танцевали, Сашок принёс магнитофон. Девчата оказались из медицинского училища, тоже заканчивали в этом году. Вера оставалась в Ногинске, медсестрой в реанимации, а Света надеялась устроиться в Москву. При этом признании она посмотрела на Лёшу и чуть заалела.

Плов удался на славу. По тарелочке, «на пробу», раздал его по соседям. Им понравилось, только Гриша сделал замечание:

– Без водки у плова не тот аромат. К нему бы хоть острограммиться надо. На вкус – нормально.

Около шести вечера Вера сказала, что ей надо возвращаться домой, в Ногинск. Мы с Сашей пошли её провожать, а Лёша со Светой остались мыть посуду. Я проводил девушку до метро, Сашок решил поехать с ней на вокзал. Им-то хорошо, а я час должен буду бродить по улицам, надо же дать время молодым, вдруг им не хватит на тщательное мытьё тарелок. Хорошо, у меня есть дело на Ордынке, это не так далеко отсюда. Домик один хочу посмотреть. Съездил, посмотрел. Нормальный дом, сталинский или более ранней постройки. Подъезд открыт, лифта нет. Поднялся до последнего этажа, бросил взгляд на чердачный люк. Замка нет. К нему ведёт узкая лестница, почти стремянка. Подняться? Но у меня с собой ни фонаря, ни лопаты. Да и опасно – выходной, слишком много людей.

Надо будет сюда прийти в рабочее время буднего дня. За-

хватить фонарик и лопатку. Если кто встретится – не буду подниматься на чердак, да и только. А вот если уже буду спускаться с чемоданом, как объясняться? Пришёл чинить? Чего? Кому? Из ЖЭКа рабочих, наверное, знают. Может, сказать, что телевизионную антенну настраиваю? А? Нужно всего-то метров двадцать антенного кабеля, удлинитель, пару отвёрток и кусачки. А главное, маленький переносной телевизор. Я даже знаю, где такой можно легко достать.

Вернулся домой, на диване развалился Лёшка. Довольный, как поросёнок в тёплой луже, разве что не хрюкает. Светка растрёпанная. Услышала, как я в квартиру вошёл, стала искать расчёску. Посуда, что понятно, не вымыта. Зато приятель благодарно на меня смотрит. Но ничего, в три пары рук мы быстро навели порядок и разъехались.

Чемодан

Хорошо, когда есть деньги. В ближайшем магазине переносного телевизора не нашёл, что ожидаемо. Бегать и искать по другим магазинам не стал, шансов мало, я сразу поехал в «Центральный Детский мир». За сто рублей там продаётся конструктор, телевизор «Электроника ВЛ-100» – «Владимир Ленин, сто лет». Точно-точно! Модель выпущена к столетию Ильича. Приличный переносной телевизор. Чёрно-белый, но цветные сейчас слишком здоровые и тяжёлые. Этот весит килограмма три с блоком питания, но может работать от аккумулятора. В конструкторе все платы спаяны и

настроены. Нужно только их установить по местам и немного подпаять провода. Времени на это у меня маловато, зато есть знакомый пэтэушник, который летом заканчивает и становится электро-радиомонтажником. Понятно, кто мне телевизор соберёт? Обещал до каникул. Я ему три рубля за срочность посулил.

Зачем мне нужен телевизор, парню не сказал. Напустил туману про хорошую халтурку у знакомых, про настройку антенны на даче, недалеко от Москвы. Лёша под это дело мне даже спецодежду обещал достать. У них ПТУ при заводе, за бутылку водки со склада можно выписать полный комплект – халат, рабочий комбинезон, спецовку, телогрейку и кирзовые ботинки. Новяк, муха не сидела. Бутылки, мне кажется, маловато, дал парню авансом червонец. Ещё попросил достать антенного кабеля, лучше тонкого.

Что думаете? Через два дня получаю работающий телевизор, даже с запасным аккумулятором, бухту тонкого кабеля, метров двадцать, униформу в здоровой брезентовой сумке, десяток антенных разъёмов, качеством лучше покупных, и даже активный антенный усилитель. За него пришлось доплатить три рубля. Попробовали тестово включиться у меня в комнате. «ВЛ-100» показывает чётче старенького бабушкиного «Рекорда».

В четверг у нас последний учебный день четверти. Раздали дневники с оценками. Я офигел – в дневнике не только русский-английский-литература, у меня и история с геогра-

фией, судя по пятёркам, лучше стали. Правда, наша классная на собрании даже не похвалила, видать, дабы не задавали нескромных вопросов, типа «с чего бы вдруг?». То есть деньги на наём учителей были потрачены не зря. Видать, другие преподаватели тоже в курсе и сочувствуют репетиторам. На каникулах мне дают отдохнуть до понедельника, а дальше продолжаем учёбу. С Янкой решили заниматься тоже с понедельника, они всей семьёй куда-то выезжают на выходные. Что-то мне кажется, только потому и я получил передышку. Впрочем, продолжение занятий полезно. Я думал разговорный поднять, а получается, что и средний балл аттестата тоже прилично улучшится.

Весь вечер провёл в подготовке, а к десяти утра пошёл на Ордынку. Одет в телогрейку, обут в кирзовые ботинки, на голове старая беретка. В руках сумка из-под спецодежды. На плече бухта кабеля. Поднялся на последний этаж, но на чердак сразу не полез, решил оглядеться. Для начала открыл щиток над счётчиками, там разводка по квартирам. Подключил кабель к крабу, так хреновину для развода сигнала от антенны прозвали. Приходит один провод, от краба выходят провода по квартирам и на следующий этаж. Есть разъём, даже подпаиваться не пришлось. Включаю переносной телевизор, вижу тестовую заставку, её показывают, когда передач нет – ещё рабочий день же.

Оказывается, правильно, что не стал торопиться лезть наверх. Одна из дверей открылась, и выглянула женщина в воз-

расте, спрашивает:

– Ой! Ты нам телевизор настраивать пришёл?

– Нет, – отвечаю. – Меня только антенны проверить послали. Я ещё на практике от ПТУ.

Женщина вышла, заглянула в экран и обрушила на меня грудую жалоб. Тяжело вздыхаю, тыкаю пальцем в угол картинки и недовольно заявляю:

– На чердак придётся лезть. А там грязно и даже с фонарём ничего не видно. Они меня потому и посылают! Считают, раз молодой, давай, ходи по адресам. А сами потом только отписываются.

Накатил на тётку встречный вал проблем практиканта. Та пообещала напоить чаем, когда закончу, и нашла кучу аргументов, чтобы я залез наверх. Упаковал в сумку свои шмотки, женщина выясняет: «Зачем?» Отвечаю в смысле – оставишь, аппарат сразу сопрут, а он рабочий, больше сотни стоит. Мне оно надо – за него платить? Женщина подтвердила, что не надо, и согласилась включить в квартире свой телевизор.

Залез по лестнице к люку. Он открылся спокойно, далее поднял свои вещи и огляделся. Темновато, но через окошки свет пробивается, и выключатель лампочки есть. Нашёл антенный кабель, посмотрел, куда идёт, даже подёргал. Вдруг снизу тётка кричит:

– Так лучше стало! Значительно лучше! – а через мгновение: – Опять как раньше!

Крикнул ей, что разбираюсь, и открыл панель. Она держится на двух ржавых винтах. Если входящий кабель прижать к разъёму, то телевизор показывает чётче. Я на своей «Электронике» проверил. Надо бы разъём подпаять. Я даже могу, для антуража паяльник взял, но куда его включать-то? И вообще, я же здесь не за этим. Но раз уж залез... Озадачил клиентку просмотром других программ, а пока она смотрит, занялся своими поисками. Колышком поворошил засыпку по углам. Во втором углу нашёл чемодан.

Достать его – делать нечего, он чисто символически присыпан шлаком. Быстро откопал, отряхнул заранее принесённой щёткой. Спрятал в брезентовый мешок от палатки, такого добра от бати много получил. Чемодан небольшой, но очень тяжёлый и совсем не гремит. Смотреть не стал, мне бы убраться отсюда.

Впрочем, рядом с выключателем у люка нашёл розетку, подключил свой удлинитель и пропаял все контакты в коммутаторе. Судя по отзывам снизу, картинка стабильно улучшилась. Вернул крышку коммутатора на старое место. Сложил вещи и с помощью незлых, тихих слов спустил их вниз. Людям помог, инструменты нашёл, пора домой, но нет – ещё одна старушка подошла. На новый тюк женщины внимание не обратили, благодарят, зовут чай пить... Даже рубль в благодарность сунули. Еле-еле отговорился тем, что мне отчитаться надо, а то старший ругаться начнёт.

Отошёл от дома, перепаковал вещи. Чемодан в мешке пе-

ревязал, чтобы не сильно бултыхался. Нести его за плечами легче, чем в руке, но не слишком удобно. Ладно, своя ноша не тянет! Добрался до родной коммуналки, бросил вещи, и тут меня трясти стало. Нервы. Надо было что-то успокаивающее в диспансере прихватить. Мужики вроде седуксен хвалили, прятали из выданных таблеток. Хотя... Нет, надо у Льва Ароныча спросить. Больные собирались седуксен в портвейне растворять. Объясняли даже: «Пачка седуксена на стакан портвейна. Выпьешь, и на льду...» В смысле, ощущения такие. Мне оно не надо, я прописываться в психушке не хочу. Сам успокоюсь. Хотя на будущее надо бы хоть валерьянки прикупить, что ли.

Кстати, идея! Спросил пенсионерок. Алевтина Кондрачевна целый пузырёк подарила. Велела накапать тридцать капель, на четверть стакана воды.

Принял, полежал, успокоился. Потом решил чаю выпить. Это становится традицией – пить чай перед вскрытием найденного. Затем застелил пол газетами и на них открыл чемодан. Он всё же очень грязный. Сделан из хорошей фанеры с пропиткой. Авиационной, наверное. Внутри набиты речки, в них вырезы, чтобы крепче держались инструменты. Чтобы не выпадали, железки фиксируются маленькими поворотными запорами-вертушками. Такие, только размером побольше, на любой калитке сельского дома найдёшь. Чтобы меньше звенели и брякали, все деревяшки проклеены толстым материалом вроде войлока. По периметру крышки на-

бита резиновая прокладка. Когда закрываешь замки, чемодан герметизируется. Не знаю, сколько он пролежал, но ни следов потёков на стенках, ни ржавчины на инструментах нет. Сразу видно, что много сил приложено к созданию вещи. Кто-то очень грамотный и опытный, не жалея времени, делал чемодан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.